

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Издатель А. А. Иосифович.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

Редактор А. Н. Стояновъ.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

№ 87.

ХАРЬКОВЪ, ВТОРНИКЪ 31 Марта (12 Апрель) 1881 года.

ГОДЪ I.

Редакция газеты помещается в г. Харьковъ, въ Петровскомъ переулке, № 1; для личныхъ объявлений по дѣламъ газеты открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 2 до 3 часовъ дня. Статьи, доставляемыя безъ означенныхъ условій, признаются безплатными. Статьи и корреспонденции, принимаемыя въ редакцію, должны быть за подписью и съ адресомъ автора.

ВЪ ЭТОМЪ НОМЕРѢ 6 СТРАНИЦЪ.

ОТДѢЛЬНЫЕ ЛЕМ „ЮЖНАГО КРАЯ“ ПРОДАЮТСЯ по 6 К.

Главная контора газеты „Южный Край“ считаетъ нужнымъ напомнить тѣмъ изъ гг. подписчиковъ, которые пользуются правомъ разорочки, что срокъ второго взноса какъ для городскихскихъ, такъ и иногородныхъ подписчиковъ, истекаетъ 1-го апрѣля.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА
„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,
1881 ГОДА.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Город. безъ доставки	10 50	10	9 25	8 50	7 75	7	6	5 40	4 50	3 50	2 40	1 20
Город. съ доставкой	12	11 50	10 75	10	9 10	8 20	7	6 30	5 20	4	2 80	1 40
Иногородные	12 50	12	11 25	10 25	9 50	8 50	7 50	6 60	5 60	4 50	3 20	1 60

Допускается разорочка въ платежѣ за головной экземпляръ по соглаш. съ главной конторой газеты. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа наждаго мѣсяца; но каждый срокъ простирается не далѣе какъ до конца 1881 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ редакціи газеты въ г. Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Императорскаго Харьковского Университета, № 7-й, при „Публичной Библиотекѣ“ А. А. Иосифовича; ТАЖЕ ЖЕ принимаются **ОБЪЯВЛЕНІЯ.**

Кромѣ того, подписка принимается въ 6-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ Н. Г. Мартынова и „Новое Время“; въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова и въ книжной и газетной торговлѣ П. И. Шапошникова; въ Петербургѣ въ той же конторѣ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго и въ Варшавѣ въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френкель на Сенаторской улицѣ, въ домѣ № 22.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: изъ Франціи исключительно въ Парижѣ — у Navas, Lafitte et Co. 8 Place de la Bourse; въ Москвѣ — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ издательствъ, на Петровскъ, домъ Сокольниковъ; въ Петербургѣ — въ той же конторѣ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго и въ Варшавѣ въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френкель на Сенаторской улицѣ, въ домѣ № 22.

Главная контора газеты проситъ гг. подписчиковъ сообщать о неаккуратной доставкѣ газеты.

СОДЕРЖАНІЕ:

Телеграммы (отъ „Международ. телеграф. агентства“).
Внутреннія извѣстія: Административныя новости. — Извѣстія изъ газетъ.
Судебная хроника: Засѣданіе особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.
Календарь.
Справочныя свѣдѣнія.
Объявленія.

ТЕЛЕГРАММЫ

(отъ „Международ. телеграф. агентства“).

Петербургъ, 29 марта, воскресенье, ночь. Въ прибавленіе къ „Правительственному Вѣстнику“ напечатана резолюція суда: Желябова, Перовскую, Кибальчича, Рысакова, Гельфманъ и Михайлова на основаніи статей Уложенія о наказаніяхъ 9, 13, 18, 139, 152, 241, 242, 243, 249 и 1459 по продолженію 1876 года подвергнуть смертной казни черезъ повѣшенье. Приговоръ относительно Перовской на основаніи 945 ст. Устава уголов. судопроизв. представить на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества. Резолюція объявлена сегодня, въ 6 час. 20 минутъ утра. Приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ завтра, въ 4 часа дня.

(отъ спеціал. корресп. „Южнаго Края“).

Берлинъ, 29 марта (10 апрѣля), воскресенье. На Саурова возложено порученіе условиться съ Бисмаркомъ о мѣрахъ противъ дарованія нѣкоторыми государствами убійства политическимъ преступникамъ. Переговоры между Сауровымъ и Бисмаркомъ уже начались.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ „Рус. Вѣд.“ телеграфируютъ: скоро въ государственномъ совѣтѣ будетъ разсматриваться проектъ преобразования московской полиціи. Проектируются новыя правила освидѣтельствованія преступниковъ относительно годности ихъ къ работамъ въ арестантскихъ ротахъ. Проектируется образованіе округа кавказскихъ минеральныхъ водъ.

По словамъ „Нов. Врем.“, проектируется выдѣлить изъ дѣятельности полиціи все лишнее и оставить на этой только охраненіе общественной безопасности.

„Новости“ передаютъ, что въ армейской кавалеріи введутся взаимныя мундировъ короткія блузы съ олож-

нымъ воротникомъ; барашковые шапки; сабли замѣнятся шашками; пики остаются однимъ казакамъ; въ пѣхотѣ раны замѣнятся непромокаемыми сумками.

Начальникъ военноучебныхъ заведеній Исаковъ замѣняетъ Вановскимъ.

Службѣ о пенсіи Дворжицкому ложень.

Увольненіемъ министромъ не сохраняется, какъ было прежде, министерское содержаніе.

Та же газета слышала, что въ правительственныхъ сферахъ возникло предположеніе объ упраздненіи 1-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Извѣстно, что это отдѣленіе служитъ посредствующимъ учрежденіемъ между министерствами, съ одной стороны, и Высочайшею властью — съ другой. Такъ, наприм., въ докладѣ министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, восходящіе на Высочайшее воззрѣніе, идутъ чрезъ посредство 1-го отдѣленія. По слухамъ, въ настоящее время подобные доклады отправляются, въ силу особаго приказанія, уже минуя 1-е отдѣленіе. Съ цѣлью же сокращенія числа вѣдомствъ нѣкоторыхъ докладовъ министровъ на Высочайшее имя, нынѣ по всѣмъ министерствамъ и вѣдомствамъ собираются подробныя данныя о тѣхъ предметахъ, о которыхъ доселѣ принято было испрашивать каждый разъ особое Высочайшее повелѣніе по тому или другому вѣдомству.

Въ „Моск. Вѣд.“ телеграфируютъ изъ Петербурга, отъ 28 марта: сегодня въ залѣ суда на почетныхъ мѣстахъ министры: военный, юстиціи и государственный контролеръ, членъ государственнаго совѣта Любимовскій, статсъ-секретарь Философовъ, генералъ-адъютантъ: графъ Баранцевъ, Тимашевъ и другіе. Предъ открытіемъ засѣданія возшлъ принцъ Петръ Георгиевичъ Ольденбургскій. Засѣданіе открыто въ 10 часовъ 10 минутъ утра. До занятія подсудимыми своихъ мѣстъ проходитъ небольшая пауза, послѣ которой первоприсутствующій даетъ слово представителю обвинительной власти. Взоры всѣхъ обращаются къ прокурору трибуналъ. Прокуроръ Муравьевъ въ блестящемъ вступленіи указалъ на значеніе выпавшей на его долю задачи обвинителя; рельефными штрихами оны воспроизвелъ картину катастрофы 1 марта, то подавляющее чувство, подѣляемое которымъ все еще пребываетъ русское общество, констатировалъ фактъ, что въ Россіи требуется теперь возмездія виновникамъ событія 1 марта и желаетъ знать кто они такіе. Онъ, прокуроръ, можетъ

дать на это категорическій отвѣтъ, указавъ рукой на скамью подсудимыхъ. Онъ воскликнулъ: „вотъ они царубійцы!“ Переходя къ характеристикѣ отдѣльных фазисовъ событія, прокуроръ установилъ рядомъ мѣстныхъ сопоставленій органическую связь между всѣми подсудимыми. Рысаковъ и другіе исполнители или метальщики снарядовъ были, такъ сказать, руками преступнаго предпріянія. Головой, владѣющею руками, былъ Желябовъ, а по его заарестованію — Перовская, составившая диспозицію для задуманнаго царубійства. Вообще прокуроръ устанавливаетъ фактъ, что преступленіе 1 марта было распределено между одиннадцатью участниками, изъ которыхъ шесть попали на скамью подсудимыхъ, двое умерло, и лишь трое не привлечены пока къ ответственности. Надеждамъ Желябова относительно послѣдствій въ будущемъ на скамьѣ подсудимыхъ и этихъ лицъ, суждено, кажется, сбыться. Всѣ обвиняемые соединены между собой крѣпкою связью. Имъ всѣмъ присущи общіе признаки принадлежности къ социально-революціонной партіи. Признаки эти: революціонныя печатныя произведенія, рукописи, предметы, употребляемые при революціонной дѣятельности, революціонное прошлое, наконецъ, собственныя объясненія подсудимыхъ. Затѣмъ прокуроръ останавливается на этомъ послѣднемъ признакѣ, констатируетъ виновность каждого изъ подсудимыхъ въ отдѣльности, пользуется объясненіями подсудимыхъ, чтобы воспроизвести полную картину заговора и, обрисовавъ далѣе развитіе революціоннаго движенія, останавливается на типичномъ сѣзѣ 1879 года, давшемъ начало фракціи террористовъ и впервые постановившемъ рѣшеніе о царубійствѣ. Съ этого момента начинается періодъ такъ называемой динамитной дѣятельности. Прокуроръ касается характеристики Желябова, котораго выставляетъ вѣзвѣстнымъ дѣятелемъ и вожакомъ преступной дѣятельности, результатомъ которой явилось событіе 1 марта. Указавъ на степень участія остальныхъ подсудимыхъ въ этомъ событіи, прокуроръ нарисовалъ обстоятельный портретъ каждого изъ нихъ въ отдѣльности; Рысакова онъ назвалъ ученикомъ Желябова; послѣдній, по мнѣнію представителя обвиненія, типиченъ: онъ конспираторъ-революционеръ. Изобразивъ активное участіе Перовской въ преступленіи 1 марта, прокуроръ высказался, что нравственное чувство отказывается вѣрить, чтобы женщина была способна съ такимъ цинизмомъ руководить кровавымъ предпріятіемъ и еще свѣнчить любоваться результатами своего преступнаго плана. Послѣдняя часть обвинительной рѣчи была посвящена обстоятельному анализу ученія партіи, именующей себя партіей „русскихъ социалистовъ“. Рѣчь Муравьева началась въ 10 часовъ утра и окончилась въ 5 1/2 часовъ по полудни. Если выбросить три получасовые перерыва, то, въ общей сложности, она продолжалась около шести часовъ. Не смотря на свою продолжительность, она была выслушана съ напряженнымъ вниманіемъ, и неудивительно: она была изложена краснорѣчиво въ лучшее значеніе этого слова. Защитникъ Рысакова, присяжный повѣренный Унковскій, отъ имени защиты, ходатайствовалъ о полтора часовомъ перерывѣ въ интересъ добросовѣстнаго исполненія его, защиты, обязанности, возложенной на нее судомъ.

„Моск. Тел.“: въ 5 ч. 30 м. окончилась обвинительная рѣчь, во время которой было сдѣлано три получасовыхъ перерыва. Впечатлѣніе, произведенное рѣчью г. Муравьева, было глубокое, потрясающее. Намъ показалось, что и на подсудимыхъ она произвела впечатлѣніе. По крайней мѣрѣ, угрюмый, подавленный Рысаковъ сталъ какъ то еще подавленнѣе, еще угрюмѣе. Только Желябовъ не покидаетъ своего вызывающаго, почти нахальнаго вида. Послѣ рѣчи представителя обвиненія, слово было дано защитнику Рысакова, прис. пов. Унковскому. Въ виду группировки фактовъ и ясности и опредѣленности обвиненія, защита не нашла возможнымъ исполнить добросовѣстно свою обязанность безъ нѣко-

торой подготовки, почему и просила сдѣлать перерывъ, который и былъ разрѣшенъ на 1 1/2 часа. Ровно въ семь часовъ возобновилось засѣданіе и началъ свою рѣчь г. Унковскій. Какъ бы ни была талантлива защита, но и при самомъ слабомъ обвиненіи, задача ей, въ виду преступленія, подобнаго настоящему, въ виду политическаго отсутствія какой бы то ни было нравственной мотивировки въ дѣйствіяхъ преступника, которой бы можно было, если не оправдывать ихъ, то хотя бы объяснить логически, представлялась крайне неблагодарной, даже болѣе — невыносимо тяжелою. Гг. Унковскій, Каргуларъ, Герардъ, Герке и Кедригъ исполнили свой долгъ честно — сдѣлали все, что было возможно. Ихъ рѣчи окончились въ 8 ч. 55 м. и началъ говорить Желябовъ, который, не имѣя защитника, говорилъ въ свою защиту самъ. Первоприсутствующій долженъ былъ нѣсколько разъ его останавливать. Рѣчь его продолжалась около часа. Затѣмъ, такъ какъ со стороны обвиненія возраженія не послѣдовало, то подсудимымъ было дано послѣднее слово. Въ 10 ч. 20 м. они кончили говорить и былъ сдѣланъ перерывъ на полчаса. Въ 1 ч. 25 мин. по полудни судъ уединился для постановки вопросовъ о виновности. Такихъ вопросовъ постановлено 24; стороны противъ поставленныхъ вопросовъ не возражали; послѣ утвержденія вопросовъ, судъ рѣшилъ приговоръ вынесъ отвѣты о виновности подсудимыхъ. На основаніи закона, пренія относительно мѣры наказанія происходили послѣ означенныхъ отвѣтовъ и представляли постановкѣ приговора. Приговоръ постановленъ сегодня ночью.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

Засѣданіе особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Дѣло о совершенномъ 1-го марта 1881 года злодѣяніи, жертвою коего палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

ОБВИНІТЕЛЬНЫЙ АКТЪ.

I.

1-го марта 1881 г., въ воскресенье, во второмъ часу по полудни, въ С.-Петербургѣ, на набережной Екатерининскаго канала, противъ сада Михайловскаго дворца, совершилось величайшее злодѣяніе, жертвою котораго палъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ. Неслыханное по гнусности своей и бѣдственнымъ послѣдствіямъ преступленіе это и сопровождавшее его причиненіе смерти и раненій многимъ лицамъ совершенны были посредствомъ двухъ, произведшихъ взрывы, метательныхъ снарядовъ.

Обстоятельства злодѣянія, изложеннаго дознаніемъ въ порядкѣ, установленномъ въ 1 главѣ 2 разд. 3 книги уст. угол. суд. 2 ч. XV т. св. зак., изд. 1876 г., по продолж. 1879 г., а въ нѣкоторыхъ частяхъ и предварительнымъ слѣдствіемъ, были выяснены какъ осмотрами мѣста и вещественныхъ доказательствъ преступленія, такъ и показаніями нижеподписанныхъ свидѣтелей — очевидцевъ: полицеймейстера 1-го отдѣленія полковника Дворжицкаго, отдѣльнаго корпуса жандармовъ капитана Коха, ротмистра терскаго казачьяго эскадрона Собственнаго Его Императорскаго Величества конвой Кулебякина, конвойныхъ казаковъ: унтер-офицера Козьмы Мачнева и рядовыхъ Михея Луценко и Петра Кузьменко, адъютанта с.-петербургской кѣстной артиллеріи штабсъ-капитана Костера, офицеровъ кадраго баталіона лейбъ-гвардіи резервнаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитановъ: Новикова и Франка, подпоручика Рудикова, лейбъ-гвардіи кавалергардскаго полка поручика графа Гендрикова и 139 моршанскаго пѣхотнаго полка подпоручика Митрофана Крахоткина, камеръ-пажа Косинскаго, младшаго медицинскаго фельдшера лейбъ-гвардіи павловскаго полка Василія Горохова, рядовыхъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка

*) Изъ „Правит. Вѣстника“.

Ивана Евченко и Платона Макарова, городского 3-го участка Александровской части Василія Несговорова, отставнаго рядового Петра Павлова и крестьянина новгородской губерніи, старорусскаго уѣзда, дер. Пятигорки, Михаила Назарова.

На основаніи совокупности приведенныхъ данныхъ, горестное событіе преступленія представляется въ нижеслѣдующемъ общемъ видѣ:

Въ третьемъ часу дня нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ выѣхалъ въ каретѣ, въ сопровожденіи обычнаго конвоя, изъ Михайловскаго дворца по Инженерной улицѣ, по выѣздѣ изъ которой карета повернула направо, по набережной Екатерининскаго канала, направляясь къ Театральному мосту. Позади быстро слѣдовавшей кареты Государя Императора, на разстояніи не болѣе 2 сажень отъ неа, ѣхалъ въ саняхъ полицеймейстеръ полковникъ Дворжицкій, а за нимъ капитанъ Кохъ и ротмистръ Кулебякинъ. На разстояніи сажень 50 отъ угла Инженерной улицы, ровно въ 2 1/4 часа по полудни, подъ каретою раздался страшный взрывъ, распространившийся какъ бы вѣеромъ. Высоко изъ саней и въ то же мгновеніе замѣтивъ, что на панели, со стороны канала, солдаты схватили какого то человѣка, полковникъ Дворжицкій бросился въ Императорской каретѣ, отворилъ дверцы и, вступивъ въ ходившаго изъ кареты невѣдомымъ Государю Императору, доложилъ Его Величеству, что преступникъ задержанъ. По приказанію Государя, свѣдѣль проводилъ Его по тротуару канала къ тому мѣсту, гдѣ находился, уже окруженный толпою народа, задержанный человѣкъ, оказавшійся впоследствии тихвинскимъ мѣщаниномъ Николаемъ Ивановичемъ Рысаковымъ. Стоявшій на тротуарѣ подпоручикъ Рудиковскій, не узнавъ сразу Его Величества, спросилъ: „что съ Государемъ?“ на что Государь Императоръ, оглянувшись и не доходя шаговъ 10-ти до Рысакова, изволилъ сказать: „Сава Богу я уцѣлѣлъ, но вотъ!“ указывая при этомъ на лежаваго около кареты раненаго казака и тутъ же кричавшаго отъ боли раненаго мальчика. Услыхавъ слова Государя, Рысаковъ сказалъ: „Еще слова ли Богу?“ Между тѣмъ, опередивъ на нѣсколько шаговъ Государя, полковникъ Дворжицкій принялъ отъ лицъ, задержавшихъ его револьверъ и небольшой кинжалъ. Приблизившись къ задержанному и спросивъ, онъ ли стрѣлялъ, Его Императорское Величество, послѣ утвердительнаго отвѣта присутствующихъ, спросилъ Рысакова, кто оны такой, на что тотъ назвалъ себя мѣщаниномъ Глазовымъ. Затѣмъ, какъ только Государь, желая осмотрѣть мѣсто взрыва, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по панели канала, по направлению къ экипажу, сады, усамыхъ ногъ Его, раздался новый огушительный взрывъ, причѣмъ поднятая имъ масса дыма, сѣту и ключевъ платя закрыла на нѣсколько мгновеній все пространство. Когда же она разсыпалась — пораженнымъ взорамъ присутствующихъ, какъ пострадавшихъ, такъ и уцѣлѣвшихъ, представилось ужасное зрѣлище: въ числѣ лицъ, поверженныхъ и раненыхъ взрывомъ, находился и Государь Императоръ. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись руками въ панель, безъ пинели и безъ фуражки, подусидѣлъ на ней возмолбленный Монархъ, окровавленный и трудно дышавшій. Обнажившія ноги Вѣщеснаго Страдальца были раздроблены, кровь сильно струилась съ нихъ, тѣло висѣло кусками, лицо было въ крови. Тутъ же лежала пинель Государя, отъ которой остались лишь окровавленные и обожженные клочки. Раненый рядомъ съ Государемъ Императоромъ полковникъ Дворжицкій, припадываясь съ землі, услышавъ едва внятно произнесеннаго слова Государя: „помогите“ и вкочивъ, подбѣжалъ къ нему вмѣстѣ со многими другими лицами. Кто то подаль платокъ. Государь, приложивъ его къ лицу, очень слабымъ голосомъ произнесъ: „холодно, холодно“. Тогда, приподнявъ Государя, уже начинавшаго терять сознаніе, окружавшія Его лица,

въ числѣ которыхъ были юнкера Павловскаго военного училища и чины проходившаго мимо караула отъ 8-го флотскаго экипажа, при подоспѣвшемъ Великомъ Князѣ Михайлѣ Николаевичѣ, понесли Его къ санямъ полковника Дворжицкаго, причѣмъ поручикъ графъ Гендриковъ покрылъ своею фуражкою обнаженную голову Страдальца. Наклонившись къ своему Августѣйшему Брату, Великій Князь спросилъ, слышитъ ли Его Величество, на что Государь Императоръ тихо отвѣчалъ: „слышу“; на дальнѣйшій вопросъ Его Высочества о томъ, какъ Государь себя чувствуетъ, Государь Императоръ изволилъ сказать: „скоро... во дворцѣ“, а затѣмъ, какъ бы въ отвѣтъ на услышанное Имъ предложеніе штабсъ-капитана Франка вести Его въ ближайшій домъ для поданія первоначальной помощи, Его Императорское Величество произнесъ: „несите Меня во дворецъ... тамъ... умереть...“. То были послѣднія, слышанныя свидѣтелями, слова умирающаго Монарха. Императорская карета оказалась сильно поврежденною взрывомъ, почему Его Величество помѣстили въ сани полковника Дворжицкаго, куда съѣхъ ротмистръ Кулебякинъ и, съ помощію конвойныхъ казаковъ Кузьменко и Луценко, повезъ Государя Императора въ Зимній дворецъ.

Неисповѣдима вѣднѣя Промысла совершившихся. Объявленіями отъ министра внутреннихъ дѣлъ, опубликованными того же 1-го марта, возвѣщено, что при вышеописанномъ второмъ взрывѣ Его Императорское Величество Государь Императоръ былъ тяжело раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже коленъ, и въ тотъ же день, въ 3 часа 35 мин. по полудни, въ Бозѣ почилъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ при дознаніи, оказывается, что изъ свиты Государя Императора при взрывахъ было болѣе или менѣе опасно ранено 9 человѣкъ, изъ которыхъ одинъ уже скончался, а изъ числа чинновъ полиціи и постороннихъ лицъ, находившихся на мѣстѣ преступленія, ранено 11, изъ которыхъ двое (въ томъ числѣ 14-ти лѣтній крестьянскій мальчикъ Николай Максимовъ) умерли черезъ нѣсколько часовъ.

По соображеніи данныхъ, обнаруженныхъ осмотромъ мѣстности преступленія и оказавшихся на ней предметовъ, спрошенные въ качествѣ экспертовъ: командиръ гальванической учебной роты полковникъ Лисовскій, командиръ 1-го военно-телеграфнаго парка подполковникъ Шахъ-Назаровъ и капитанъ 4-го сапернаго баталіона Родиановскій пришли къ заключенію, что по вышнему виду и свойствамъ вышеописанныхъ предметовъ, взрывы были произведены двумя брошенными снарядами, заключенными въ жестяныя оболочки, причѣмъ зарядъ каждаго состоялъ приблизительно изъ 5 фунтовъ ударнаго состава и взрывчатого вещества, повидимому, нитроглицерина.

Металлическій снарядъ, причинившій первый взрывъ, какъ установлено единогласными свѣдѣтельскими показаніями, былъ брошенъ подъ карету Государя Императора именно Николаемъ Ивановичемъ Рысаковымъ. Свидѣтели Назаровъ и Гороховъ видѣли Рысакова передъ самымъ пробѣгомъ Государя тихо шедшимъ по панели канала на встрѣчу Императорской каретѣ, причѣмъ Гороховъ замѣтилъ у него въ рукахъ что то круглое, въ родѣ тарелки, завернутое въ бѣлый платокъ, а Назаровъ удостовѣрился, что, поровнявшись съ каретой Государя, Рысаковъ бросилъ подъ лошадей что то бѣлое, похожее на комъ сѣна, и побѣжалъ, но былъ задержанъ бросившимися на него свидѣтелями. По словамъ Назарова, Рысаковъ, по задержаніи его, казался спокойнымъ и даже смѣялся, а по объясненію свидѣтелей Горохова, Несговорова и Макарова, доставившихъ Рысакова въ управленіе градоначальника, онъ просилъ ихъ оградить его отъ разъяреннаго народа, за исполненіемъ чего благодарилъ ихъ.

Что же касается до виновника второго взрыва, то крестьянинъ Петръ Павловъ показалъ, что когда Государь отойдя отъ задержаннаго Рысакова, направился по панели канала, то не-

известный человек, стоявший боком и прислонившись к ршотке, выждал приближение Государя Императора на расстояние не более двух аршин и, приподняв руки вверх, бросил что-то на панель, отчего и последовал второй взрыв.

Не смотря на отсутствие прямых указаний на личность упомянутого виновника второго взрыва, при производстве дознания были собраны данные, приводящие к полному изобретению к заключению о том, что означенный взрыв был произведен одним из пострадавших от него же, неизвестным человеком, который был поднят на место преступления и доставлен в безсознательном состоянии в придворный госпиталь конюшенного ведомства, где и умер, спустя 8 часов, при чем несколько в себя и откликнулся перед смертью на вопрос о своем имени и звании: „не знаю“.

По судебно-медицинскому осмотру и вскрытию трупа этого неизвестного человека, на тѣлѣ его и преимущественно на передней части тѣла, в том числѣ, въ особенности, на правой рукѣ, оказалось множество поранений, причиненных, по мнѣнію врачей-экспертов, при взрывѣ, который, по характеру повреждений, въ связи съ свойствами взрывчатого вещества, долженъ былъ произойти въ весьма близкомъ разстояніи отъ умершаго, не даѣе какъ на три шага.

II.

При производствѣ совокупнаго разслѣдованія по дѣламъ о преступившихъ покушеніяхъ на жизнь Священной Особы нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора 2 апрѣля, 18-го и 19-го ноября 1879 и 5-го февраля 1880 г., были обнаружены данные, послѣдовательный рядъ которыхъ приводитъ къ предположенію о замышляемъ и уже готовящемся въ средѣ, извѣстныхъ по прежнимъ дѣламъ, преступныхъ дѣятельномъ таковомъ же посягательствѣ, а при возникновеніи настоящаго дѣла выяснились указанія на принадлежавшихъ къ этой средѣ истинныхъ зачинщиковъ и руководителей злодѣянія 1-го марта 1881 года. Изъ имѣющихся въ настоящемъ дѣлѣ свѣдѣній объ означенныхъ данныхъ, составляющихъ предметъ еще производящаго, но уже близкаго къ окончанію, особаго дознанія видно, что въ ноябрѣ 1880 г. были арестованы дворянинъ Александръ Михайловъ, проживавшій подъ фамиліею Подинова, при обыскѣ у котораго найдены динамитъ и другіе предметы, свидѣтельствующіе о его преступной дѣятельности. Вслѣдъ затѣмъ, при дальнѣйшихъ розыскахъ, были обнаружены дѣя, занимаемая членами партіи, квартиры, изъ которыхъ въ первой, по Большой Подольской улицѣ, д. № 37, производилось заготовленіе значительнаго количества динамита, а въ другой, по Подольской улицѣ, д. № 11, помѣщалась тайная типографія. Посѣтители этихъ квартиръ, проживавшіе подъ чужими именами и по подложнымъ видамъ на жительство, были задержаны одинъ за другимъ, причемъ въ числѣ ихъ оказались, извѣстные по прежнимъ розыскамъ и процессамъ, агитаторы Фриденсонъ (Агасекуловъ), Баранниковъ, (онъ же Копуриковъ и Алапузовъ) и Колодевичъ (Петровъ). Затѣмъ результаты изслѣдованій привели къ заключенію, что въ кружкѣ означенныхъ лицъ играли видную и вліятельную роль, проживавшіе подъ своимъ собственнымъ именемъ, дѣятельный студентъ Михаилъ Тригони и крестьянинъ Таврической губ., еоодесскаго уѣзда, деревни Николаевскій, Андрей Ивановичъ Желябовъ, розыскиваемый по обвиненію въ покушеніи на жизнь Его Императорскаго Величества, совершонномъ 18-го ноября 1879 г. близъ г. Александровска, Екатеринбургской губерніи. Желябовъ былъ арестованъ 27-го февраля сего года одновременно съ Тригономъ, въ квартирѣ послѣдняго, на углу Невскаго проспекта и Караванной улицы, въ домѣ Лихачева.

По обнаруженіи мѣстожительства Желябова, проживавшаго вмѣстѣ съ женщиною, именовавшею себя Лидіею Антоновною Войновою, по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, въ д. № 27/13, кв. № 23, подъ именемъ Николая Иванова Слатвинскаго, въ квартирѣ его, утромъ 1-го марта, всего лишь за нѣсколько часовъ до совершенія злодѣянія, жертвою котораго палъ нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, былъ произведенъ обыскъ, при которомъ, кромѣ разныхъ принадлежностей химическихъ опытовъ, могущихъ служить и для приготовленія взрывчатыхъ веществъ, были найдены, между прочимъ, четыре жестянки изъ-подъ конфетъ и одна изъ-подъ сахара, съ остатками въ четырехъ жестянкахъ (трехъ изъ-подъ конфетъ и одной изъ-подъ сахара) чорнаго вещества, а также дѣя каучуковая красная трубка.

По заключенію эксперта, завыдушаго химическою лабораторіею Михайловской артиллерійской академіи и училища, генералъ-маіора Оедорова, означенное вещество есть чорный ди-

намитъ, а каучуковая трубка подобна тѣмъ, которыя были употреблены при устройствѣ нижеупомянутыхъ металлическихъ взрывчатыхъ снарядовъ. Въ названныхъ жестянкахъ, по мнѣнію генерала Оедорова, могло помѣщаться около двухъ пудовъ динамита.

Женщина, проживавшая вмѣстѣ съ Желябовымъ подъ именемъ Лидіи Войновою, скрылась изъ вышеуказанной квартиры Желябова на другой день его ареста, 28-го февраля вечеромъ, и была задержана лишь 10-го марта, на Невскомъ проспектѣ, околоточнымъ надзирателемъ Широковымъ.

Задержанная оказалась дворянкою Софьею Львовною Перовскою, обвиняемою и розыскиваемою по дѣлу о покушеніи на жизнь Священной Особы Государя Императора, совершонномъ 19-го ноября 1879 г., близъ г. Москвы, на линіи московско-курской желѣзной дороги.

По обыску, при Перовской были, между прочимъ, найдены печатныя прокламаціи отъ 2-го марта 1881 г. по поводу событія 1-го марта: 18 экземпляровъ отъ „исполнительнаго комитета“ и 14 экземпляровъ отъ „Рабочихъ членовъ партіи Народной Воли“.

Дознаніемъ выяснено, что, въ іюнѣ 1880 г., Перовская, подъ именемъ Войновою, вмѣстѣ съ женщиною, называвшеюся дочерью священника Ольгою Сиповичъ и еще нерозысканною, вышла изъ д. № 37/4, Петербургской части, 1-го участка, на углу Большой и Малой Бѣлозерскихъ улицъ, и переехала на жительство въ кв. № 23 д. № 17/13, по 1-й ротѣ Измайловскаго полка. Въ октябрѣ Сиповичъ уѣхала, но заявленію ея, въ Оренбургѣ, а вскорѣ послѣ ея отъѣзда у Перовской, подъ видомъ его брата, поселился Желябовъ, проживавшій подъ именемъ Николая Ивановича Слатвинскаго.

Изъ показаній свидѣтелей: старшаго дворника д. № 17/13, кр. Харитона Пѣтушкова, его подручнаго дворника, запасаго рядового Григорія Афанасьева, и содержательницъ мелочной лавочки въ томъ же домѣ, крестьянки Ирины Афанасьевой, называвшихся Слатвинскимъ (Желябовъ) и Войновою (Перовская) жили весьма уединенно, гостей не принимали, писемъ не получали, присутію не имѣли, такъ что Войновою (Перовская) сама покупала провизію и готовила кушанье. 27-го февраля она вышла изъ квартиры вмѣстѣ съ Слатвинскимъ (Желябовымъ), который уже болѣе не возвращался; Войновою же (Перовская) вернулась вечеромъ и провела ночь дома. 28-го февраля она два раза, чрезъ задній дворъ, приходила въ лавочку Аонасьевой, причемъ въ первый разъ купила колбасу, а во второй тесьму, говоря, что покупаетъ это для платя. Въ оба свои прихода въ лавочку она выходила изъ нея чистымъ входомъ прямо на улицу, причемъ, послѣ вторичнаго ея появленія у Афанасьевой, около 9 часовъ вечера, Войновою (Перовскую) уже въ домѣ не видѣли, и 1-го марта, по приѣздѣ должностныхъ лицъ для производства обыска въ квартирѣ Желябова, квартира эта оказалась пустою.

III.

Вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ властями при производствѣ разслѣдованія по настоящему дѣлу о томъ, что по Телѣжной улицѣ, въ домѣ № 5, находится такъ называемая „конспиративная“ квартира, т. е. такое помѣщеніе, въ которомъ собирались злоумышленники и производились приготовленія къ преступленію 1-го марта, въ означенномъ домѣ, въ квартирѣ № 5-й, сдѣланъ былъ, въ ночь на 3-е марта, внезапный обыскъ. При объявленіи должностными лицами, явившимися на обыскъ, о дѣлѣ ихъ прибытія лицу, спросившему ихъ о томъ чрезъ запертую наружную дверь квартиры, въ этой послѣдней послышалось нѣсколько выстрѣловъ, и затѣмъ какая то женщина отперла дверь, чрезъ которую должностныя лица и проникли въ квартиру. Въ первой комнатѣ, направо, они нашли лежащимъ на полу окровавленнымъ только что, повидимому, застрѣлившимся человекомъ. По заключенію приглашеннаго, для подачіи ему медицинской помощи, врача Павлова, человекъ этотъ нанесъ себѣ выстрѣлами изъ револьвера нѣсколько смертельную въ високъ. Не выходя изъ безсознательнаго состоянія, неизвѣстный тутъ же вскорѣ умеръ. По осмотру домовою книги и по показаніямъ свидѣтелей оказалось, что онъ проживалъ въ квартирѣ № 5-й, вмѣстѣ съ упомянутою, задержанною въ ней женщиною, подъ именемъ супруговъ Фесенко-Навроцкаго, по подложному паспорту на имя коллежскаго регистратора Ивана Петрова Фесенко-Навроцкаго.

При разслѣдованіи, произведенномъ съ цѣлью обнаружить личность застрѣлишагося человека, проживавшаго подъ именемъ коллежскаго регистратора Ивана Фесенко-Навроцкаго, подполковникъ 1-го лейбъ-гренадерскаго екатеринбургскаго пѣхотнаго полка Иванъ Алексѣевъ Саблинъ призналъ въ предъ-

явленномъ ему фотографическомъ снимкѣ застрѣлишагося родного брата своего, дворника Николая Алексѣева Саблина, который въ 1878 г. выѣхалъ изъ г. Москвы неизвѣстно куда, причемъ съ тѣхъ поръ родные его никакъ извѣстій о немъ не имѣли.

Женщина, задержанная въ „конспиративной“ квартирѣ, оказалась мозирскою мѣщанкою Гесею Мировою Гельфманъ. По ея объясненію, проживавшій вмѣстѣ съ нею въ этой квартирѣ неизвѣстный, называвшійся Фесенко-Навроцкимъ, застрѣлившійся передъ обыскомъ, былъ дѣйствительно Николай Алексѣевъ Саблинъ.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что означенный Саблинъ въ 1873 и 1874 гг., принадлежалъ къ революціонному кружку, образовавшемуся въ Москвѣ, и дѣйствова въ Москвѣ, такъ и въ Ярославской губерніи, занимался преступною пропагандой въ народѣ, совместно съ скрывающимися нынѣ революціонными дѣятелями Николаемъ Морозовымъ и Иванчиннымъ-Писаревымъ. Затѣмъ, уѣхавъ въ 1874 г. за границу, Саблинъ въ мартѣ 1875 г., вмѣстѣ съ Морозовымъ, возвратился въ Россію, причемъ былъ задержанъ въ пограничномъ селеніи Кибарты, съ прусскою легитимационною картою на имя Фридриха Вейсмана. Привлеченный къ дѣлу о революціонной пропагандѣ въ имперіи и преданный суду особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣла о государственныхъ преступленіяхъ, Саблинъ былъ признанъ виновнымъ во вступленіи въ преступное тайное сообщество, предусмѣренное 2-мъ отд. ст. 250-й улож. о наказ. съ знаніемъ о дѣлахъ его, за что, какъ изложено въ приговорѣ особаго присутствія, состоявшемся 18-го октября—23-го января 1877—78 гг., онъ подлежалъ наказанію, указанному въ 3-ей ст. 31-й ст. улож. о наказ., причемъ особое присутствіе, принявъ во вниманіе обстоятельство смягчающія, въ числѣ другихъ и его, Саблина, вину въ размѣрахъ, выходящихъ изъ предѣловъ власти суда, и между прочимъ, долговременное содержаніе его подъ стражей и молодость, опредѣлило: ходатайствовать предъ Моравишмъ Милосердіемъ о вымѣнѣ ему въ наказаніе предварительнаго ареста, на каковое ходатайство и послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора соизволеніе.

По обыску въ „конспиративной“ квартирѣ былъ найденъ рядъ вещественныхъ доказательствъ, имѣющихъ непосредственную связь съ злодѣйскимъ дѣланіемъ 1-го марта. Изъ числа означенныхъ вещественныхъ доказательствъ особое значеніе, по заключенію экспертовъ, представляютъ нижеслѣдующіе предметы: 1) дѣя металлические мины, взрывающіяся при бросаніи отъ удара, въ жестянкахъ, заключающихъ въ себѣ, какъ подробно объяснено въ заключеніи и чертѣжѣ генералъ-маіора Оедорова, взрывчатый аппаратъ, который представляетъ систему сообщающихся другъ съ другомъ снарядовъ: а) съ сѣрною кислотою, б) съ сѣрною бертолетовою соли, сахара и сѣрнистой сурьмы, в) съ гремучей ртутью и г) изъ пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Передавая другъ другу, посредствомъ стопина воспламенение, вслѣдствіе удара или сотрясенія, снаряды эти доводятъ его, наконецъ, до смѣси гремучаго студія съ камфорой, дѣйствующаго при взрывѣ въ шесть разъ сильнѣе пороха; часть означеннаго аппарата устроена двойнѣмъ такимъ образомъ, чтобы взрывъ послѣдовалъ при паденіи металлической мины, въ какомъ бы то ни было направленіи; 2) колба и реторта, служащая для химическихъ опытовъ; 3) стеклянные шарики съ сѣрною кислотою; 4) небольшая деревянная призма, представляющая, по предположенію эксперта, часть модели металлическаго снаряда; 5) фарфоровая слупка, въ которой перетиралась бертолетовая соль; 6) записка на клочѣкѣ бумагѣ о вышеупомянутой смѣси бертолетовой соли съ сахаромъ и сурьмою; 7) рисунокъ карандашомъ на оборотѣ транспаранта какаго то аппарата для производства гальваническаго тока, тѣ имѣющій, въпрочемъ, отпошенія къ металлическимъ снарядамъ; 8) планъ г. С.-Петербурга съ карандашными отмѣтками, въ видѣ неправильныхъ круговъ, на званіи Зимнаго дворца и съ слабыми карандашными же линіями, проведенными отъ званія Михайловскаго манежа по Инженерной улицѣ, по званіямъ Михайловскаго дворца и по Екатерининскому каналу, и 9) сдѣланный карандашомъ на оборотѣ конверта планъ, безъ соблюденія масштаба, представляющій, по сличенію его съ планомъ гор. С.-Петербурга, сходство съ мѣстностью между Екатерининскимъ каналомъ, Невскимъ проспектомъ, Михайловскимъ дворцомъ и Караванной улицей, съ обозначеніемъ Михайловскаго манежа, Инженерной улицы и Малой Садовой. На планѣ этомъ, между прочимъ, имѣются знаки на Екатерининскомъ каналѣ, Манежной площади и кругъ по срединѣ Малой Садовой.

IV.

По указаніямъ, сдѣланнымъ обвиняемымъ Рысаковымъ, была обнаружена квартира, въ которой обитали Гельфманъ, проживавшая до переѣзда своего въ домъ № 5, по Телѣжной улицѣ. Квартира эта помѣщалась подъ № 25, въ д. № 27/1 по Троицкому переулку, причемъ Гельфманъ жила въ ней подъ именемъ Елизаветы Андреевой Николаевской, вмѣстѣ съ неизвѣстнымъ человекомъ, проживавшимъ подъ именемъ московскаго мѣщанина Андрея Иванова Николаева, котораго она выдавала за своего мужа.

Осмотрѣвъ домовую книгу означеннаго дома № 27/1, а также показаніемъ дворника его—оставшаго рядового Усмана Булатова, удостовѣрено, что Николаева записаны переѣхавшими въ этотъ домъ 15-го сентября 1880 г., изъ Петергофа, а выбывшими 17-го февраля 1881 г. въ Москву. По словамъ Булатова, Николаева (Гельфманъ), жившая съ мужемъ очень скромно и уединенно, носила куда то изъ своей квартиры картонныя листы. Человекъ, называвшійся Николаевымъ, выбылъ изъ квартиры на нѣсколько дней раньше Гельфманъ, причемъ отмѣтился выбывшимъ въ Москву. Вскорѣ и Гельфманъ, заявивъ, что мужъ ея умираетъ въ Москвѣ и что она ѣдетъ къ нему, продала свою мебель и съ однимъ чемоданомъ выѣхала изъ квартиры.

3-го марта, утромъ, вскорѣ послѣ вышеупомянутаго обыска въ д. № 5, по Телѣжной улицѣ, гдѣ были оставлены чины полиціи съ приказаніемъ задерживать каждаго, кто придетъ въ означенную квартиру—явился молодой человекъ и, поднимаясь по лѣстницѣ во 2-й этажъ, гдѣ находилась означенная квартира, былъ встрѣченъ дворникомъ Мировымъ Сергѣевымъ. На вопросъ послѣдняго—„куда онъ идетъ?“—неизвѣстный, спросивъ кучера, указалъ на квартиру № 12-й, каковой вовсе въ домѣ не имѣется, вслѣдствіе чего былъ приглашонъ въ квар. № 5-й, гдѣ и задержанъ. Когда же было приступлено къ производству у него обыска, то онъ, выхвативъ изъ кармана револьверъ, сдѣлалъ шесть выстрѣловъ въ задержавшихъ его полицейскихъ чиновъ, изъ которыхъ нанесъ схватившему дуло револьвера городовому Ефиму Денисову опасную для его жизни рану въ правый пахъ, а помощнику пристава 1-го участка Александръ-Невской части Случковому контузію груди, съ ушибомъ праваго легкаго. Обозоруженный и, вслѣдствіе описаннаго сопротивленія, связанный неизвѣстнымъ человекомъ, доставленъ въ управленіе с.-петербургскаго градоначальника, гдѣ и оказался крестьяниномъ Смоленской губ., сычевскаго уѣзда, ивановской волости, дер. Гаврилкова, Тимофеемъ Михайловымъ.

Изложенное удостовѣряется показаніями прикомандированнаго къ 1-му участку Александръ-Невской части, коллежскаго ассессора Рейнгольда, помощника пристава Случкова, околоточнаго надзирателя Зезюкина, городовыхъ Ивана Пилькова, Ефима Денисова и дворника Милона Сергѣева, а также протоколами обыска у Тимофея Михайлова и судебно-медицинскаго освидѣтельствованія Случкова.

При обыскѣ у Тимофея Михайлова былъ найденъ печатный экземпляръ Высочайшаго манифеста отъ 1-го марта 1881 г. о вѣстившіи на Всероссийскій престолъ Его Императорскаго Величества Императора Александра III-го; на оборотѣ этой бумаги оказались написанными карандашомъ адреса трехъ пунктовъ въ г. С.-Петербурѣ, съ означеніемъ при каждомъ извѣстныхъ часовъ и, между прочимъ, съ указаніемъ кондитерской Исакова, на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой, и съ отмѣткою противъ этой записи о 4-хъ часахъ.

Вслѣдствіе такого указанія, въ означенной кондитерской, въ 4-мъ часу по полудни 3-го марта, были приведены въ извѣстность всѣ лица, оказавшіяся въ ней въ этотъ часъ, причемъ былъ задержанъ сынъ священника Иванъ Григорьевъ Орловъ, называвшійся мѣщаниномъ Козыревымъ, имѣвшій при себѣ чужой видъ на жительство на это послѣднее имя, а также небольшой книжаль. У него же по обыску, кромѣ противоправительственныхъ изданій и рукописей, указывающихъ на его преступную агитационную дѣятельность въ народѣ, оказалось два исписанныхъ листа бумаги, въ которыхъ говорится о общественномъ положеніи крестьянъ и рабочихъ.

Листы эти, по собственному признанію Тимофея Михайлова, оказались писанными его рукою.

О задержанномъ при вышеприведенныхъ обстоятельствахъ сынѣ священника Орловѣ, заявившемъ при допросѣ о принадлежности своей къ „соціально-революціонной партіи“, возбуждено и производится особое отъ настоящаго дѣла дознаніе.

V.

4-го марта 1881 года, вслѣдствіе заявленія дворниковъ дома № 56/18 (графы

Менгдена), находящагося на углу Малой Садовой и Невскаго проспекта, того самаго, въ которомъ помѣщается и вышеупомянутая кондитерская Исакова, о томъ, что содержатель сырной лавки, въ подвальномъ этажѣ того же дома, крестьянинъ Евдокимъ Ермолаевъ Кобызевъ скрылся вмѣстѣ съ женою своею, Еленою Оедоровою, а въ самой лавкѣ найдена земля и разныя орудія землекопанія, мѣстная полиція произвела осмотръ означенной лавки, оставленной хозяевами, причемъ, по приглашеніи на мѣсто судебного слѣдователя, изъ жилья, смежнаго съ лавкою, подъ ближайшимъ же ней окомъ, былъ обнаруженъ подполъ подъ улицу Малую Садовую.

По осмотру судебнымъ слѣдователемъ, при участіи экспертовъ: генералъ-маіора Оедорова, военнаго инженера штабсъ-капитана Родивановскаго, командира гальванической роты полковника Лисовскаго и офицеровъ той же роты штабсъ-капитана Ливендера и поручика Тишкова, какъ внутренности лавки и смежныхъ съ нею помѣщеній, такъ и самаго подпола, изслѣдованнаго съ помощію поименованныхъ экспертовъ и нижнихъ чиновъ гальванической роты, оказалось, въ общіихъ и наиболѣе существенныхъ чертахъ, нижеслѣдующее: въ самой лавкѣ, на прилавкѣ, разложены сыры и оставлены разныя записки, не имѣющія значенія по своему содержанію; въ стоящихъ здѣсь же бочкѣхъ и кадкѣ, подъ соломою и за деревянною обшивкою нижней части задней и боковыхъ стѣнъ, сложена земля. Въ смежномъ жильѣ такая же земля найдена подъ сидѣніемъ дивана, а рядомъ, въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, девять деревянныхъ ящиковъ, наполненныхъ землею, и шесть мокрыхъ мѣшковъ, въ которыхъ, повидимому, носили землю. Въ разныхъ мѣстахъ разбросаны землекопныя и минныя инструменты, какъ то: буръ въ его принадлежностяхъ, ручнй фонарикъ съ лампочкой и проч.

Въ жильѣ стѣна, подъ первымъ отъ входа окомъ, пробита и въ ней оторывается отверстие, ведущее въ подземную галлерею, обложенную внутри досками и простирающуюся на дѣя сличкомъ сажени до срединъ улицы. Въ отверстіи оказалась стѣлнина съ жидкостью (двухромовислымъ калі), для заряданія гальванической батареи, системы Грене, 4 элемента которой найдены тутъ же въ корзинѣ. Отъ батареи шли по минѣ проводы, оканчивавшіеся зарядомъ. По заключенію генералъ-маіора Оедорова, зарядъ этотъ состоялъ изъ системы чорнаго динамита, количествомъ около 2 пудовъ, каписали съ гремучей ртутью и шашки пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Такая система вполне обезпечивала взрывъ, отъ котораго должна была образоваться среди улицы воронка до 2 1/2 сажень въ діаметрѣ, а въ соседнихъ домахъ были бы вышлелы оконныя рамы и могли бы обвалиться печи и потолки. Что же касается до земли, найденной въ лавкѣ Кобызева, то, по заключенію полковника Лисовскаго, количество ея соответствуетъ объему земли, вынутой изъ галлерей.

Слѣдствіемъ обнаружено, что называвшіе себя супругами Кобызевыми напали лавку въ д. графа Менгденъ въ декабрѣ 1880 г., по контракту за 1,200 р. въ годъ, и, переѣхавъ въ январѣ, открыли торговлю сыромъ при такой обстановкѣ, которая скоро обратила на себя вниманіе многихъ свидѣтелей, какъ несоотвѣтствующая свойствомъ, образу жизни и вѣщности обыкновенной торговли и обыкновенныхъ торговцевъ. Торговля производилась шумно и какъ бы лишь для виду, Кобызевъ казался человекомъ, стоящимъ гораздо выше своего состоянія, жена его обнаруживала привычки, несвойственныя женѣ простаго торговца; кромѣ того, часто не почевала дома. Вслѣдствіе павшаго поестому на лавку Кобызевыхъ подозрѣнія, въ лавкѣ ихъ, 28 февраля 1881 года, по распоряженію градоначальника, мѣстною полиціею, при участіи техника генералъ-маіора Мровинскаго, произведенъ былъ осмотръ, подъ видомъ техническихъ и санитарныхъ дѣлѣй. Осмотръ этотъ не далъ никакихъ результатовъ, причемъ, однако же, по удостовѣренію свидѣтелей Мровинскаго, пристава 1 уч. Спасской части Теглена и дворника Никифора Самойлова, Кобызевъ казался смущеннымъ и испуганнымъ. Послѣ осмотра, 1 и 2 марта Кобызевы поочередно уходили изъ дому, а 3 марта Кобызевъ ушелъ утромъ, жена же его вечеромъ, послѣ чего они болѣе не возвращались.

Изложенное удостовѣряется, кромѣ показаній Мровинскаго, Теглена и Самойлова, еще показаніями посѣщавшихъ лавку Кобызевыхъ: управляющаго домохъ графа Менгдена, Георгія Петерсона, дворниковъ Никифора Ульянова и Павла Андреева, околоточнаго надзирателя Исаю Дмитріева, старшаго помощника пристава Лерепалда, с.-петербургскаго 2 гильдіи кушача Оедора Новикова и содержателя живописно-лакировальной мастерской Ивана Шмидта.

Паспортъ, по которому проживали Кобызевы, оказался подложнымъ, а на стоящій Евдокимъ Андреевъ Кобызевъ—безвѣдно проживающимъ въ г. Воронежѣ.

Дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ было обнаружено, что, до переѣзда своего въ лавку на Малой Садовой, Кобызевы, съ 28 ноября 1880 г., проживали въ д. № 75, на углу Невскаго проспекта и Новой улицы, въ меблированныхъ комнатахъ Афанасьева, гдѣ дохъ хозяина, Екатерина Афанасьева, видѣла у нихъ на столѣ сгорбленные кредитные билеты, которые они, уходя, оставляли неприбранными.

По показаніямъ дворниковъ Никифора Самойлова и Никифора Ульянова, въ лавку Кобызевыхъ ходили люди, казавшіеся подозрительными. Такъ, свидѣтель Самойловъ замѣтилъ, что двое изъ этихъ людей, прошедшихъ мимо него 27 февраля, закрывали свои лица воротниками. Узнавъ отъ Самойлова о прихѣдѣ къ Кобызевымъ одного изъ этихъ людей, молодого человека, высокаго роста, съ усами, безъ бороды, околоточный надзиратель Исаю Дмитріевъ прослѣдилъ его отъ лавки Кобызевыхъ до угла Невскаго и Малой Садовой, гдѣ означенный человекъ нанялъ извозчика, такъ называемаго „лихача“ на Вознесенскій проспектъ за 1 рубль. По словамъ этого извозчика, крестьянина Оедора Гордина, неизвѣстный, дорогой, измѣнилъ дѣль своей повозки и приказалъ ѣхать въ Измайловскій полкъ, гдѣ на углу 1-й роты и Тарасова переулка, остановилъ извозчика до срединъ улицы, сошолъ, бросилъ ему 3 р. 20 к., повернулъ въ переулокъ сади саней и скрылся.

По предъявленіи всѣхъ четырехъ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу дворникамъ Никифору Самойлову и Никифору Ульянову, они признали въ Андрей Желябовъ, первый—положительно, а второй—по сходству, одного изъ людей, приходившихъ къ Кобызевымъ 27 февраля.

По предъявленіи обвиняемаго Тимофея Михайлова околоточному надзирателю Исаю Дмитріеву и извозчику Оедору Гордину, они признали въ немъ большое сходство съ тѣмъ вышеупомянутымъ человекомъ, который, 27 февраля, выйдя изъ лавки Кобызевыхъ, нанялъ Гордина на Вознесенскій проспектъ, а затѣмъ сошолъ въ Измайловскій полкъ.

При производствѣ упомянутаго выше обыска въ квартирѣ Желябова и начатаго еще утромъ 1-го марта осмотра всего при этомъ обыскѣ найденнаго, между предметами, находившимися у Желябова, оказались 4 куска сыру, изъ которыхъ два круга рускаго зеленого сыра съ клеймомъ „С. А. С.“; одинъ кругъ русскаго голландскаго сыра и одинъ русскаго чеддера. По сличеніи чрезъ экспертовъ этихъ сыровъ съ найденными въ лавкѣ Кобызева, они оказались совершенно тождественными между собою, причемъ въ лавкѣ были и сыры съ клеймами „С. А. С.“.

VI.

По задержаніи и привлеченіи къ настоящему дознанію, въ качествѣ обвиняемыхъ, Николая Рысакова, Андрея Желябова, Софьи Перовской, Геси Гельфманъ и Тимофея Михайлова, означеннымъ дознаніемъ было обнаружено, что между названными лицами, соединенными другъ съ другомъ общностью превратныхъ воззрѣній и преступной дѣятельности, существовали близкія отношенія и постоянныя оживленныя сношенія, непосредственно предшествовавшія злодѣянію и несомнѣнно свидѣтельствующія о принадлежности ихъ къ одному и тому же тайному сообществу, которое, замысливъ это злодѣяніе, привело его въ исполненіе.

Признаки такового сообщества усматриваются, независимо отъ изложенныхъ ниже показаній обвиняемыхъ, въ слѣдующихъ данныхъ настоящаго дознанія.

Вслѣдъ за арестомъ обвиняемаго Рысакова были обнаружены двѣ квартиры его: въ первой изъ нихъ, на углу 9-й улицы Песковъ и Мытнинской, въ д. № 32/44, кв. № 17, онъ занималъ комнату подъ именемъ вятскаго мѣщанина Макара Егоровъ Глазова, у коллежскаго регистратора Ермолина, представивъ и паспортъ на означенное имя; во второй квартирѣ, на углу 5-й улицы Песковъ и Греческаго проспекта, въ д. № 9/14, кв. № 18, онъ проживалъ подъ своимъ собственнымъ именемъ, нанимая комнату у вдовы надворнаго советника Ксеніи Холодковской. Въ первой изъ означенныхъ квартиръ, кромѣ разныхъ рукописей противоправительственнаго содержания, были найдены 1) № 2-й и 3-й „Народной Воли“; 2) рукопись, подъ заглавіемъ: „Объяснительная записка къ программѣ рабочихъ членовъ партіи „Народной Воли“; 3) печатный экземпляръ самой программы, и 4) рукопись, подъ заглавіемъ: „Задача боевой рабочей организаціи“, содержащая воззваніе къ „товарищамъ“, которые приглашаются вести борьбу съ правительствомъ путемъ открытыхъ насильственныхъ дѣйствій.

Изъ показаній хозяекъ квартиръ,

въ которыхъ проживалъ Рысаковъ, Ксенія Холодовской и Прасковія Ермолиной, видно, что у первой изъ нихъ онъ жилъ до 31-го января сего года, причѣмъ къ нему ходилъ лишь одинъ молодой человѣкъ, котораго онъ называлъ своимъ товарищемъ, студентомъ. Во время проживания Рысакова у Ермолиной, его посѣщали, по вечерамъ, въбѣтъ и порознь, 6-ть человѣкъ его знакомыхъ, съ которыми онъ и уходилъ въбѣтъ, возвращаясь домой поздно ночью.

3-го марта, по указаніямъ Рысакова, была обнаружена и квартира того самого неизвѣстнаго человѣка, который умеръ отъ повреждений, полученныхъ имъ при взрывѣ 1-го марта. Подъ именемъ вилскаго мѣщанина Николая Степанова Ельникова, онъ проживалъ на Выборгской сторонѣ, по Симбирской улицѣ, въ д. № 59, кв. № 22, у квартирной хозяйки Анны Артамоновой.

По осмотру вещей, оставшихся въ квартирѣ Артамоновой, въ числѣ ихъ, кромѣ 6-ти экземпляровъ „Рабочей Газеты“, напечатанныхъ въ „Летучей типографіи Народной Воли“ и экземпляра упомянутой уже, найденной и у Рысакова, „Программы рабочихъ членовъ партіи“, оказалось еще: 1) счетъ въ израсходованіи за ноябрь 33 руб. съ надписью внизу „отчетъ Федора“ и 2) платокъ съ мѣткою „Н. И. Р.“.

По предъявленіи Артамоновой и служанкѣ ея, солдатской вдовѣ Акулиѣ Сиблюковой, трупа неизвѣстнаго человѣка, умершаго въ придворномъ госпиталѣ, она признала въ немъ своего жильца Ельникова.

Изъ показанія Сиблюковой видно, что Ельниковъ переехалъ къ Артамоновой 15-го января 1881 г. и велъ весьма уединенную жизнь, принимая лишь по вечерамъ гостей: 3-хъ мужчинъ и 2-хъ женщинъ, изъ которыхъ одинъ мужчина, высокій и черный, приходилъ обыкновенно съ женщиною съ большимъ лбомъ, казавшемся его женою. Въ ночь на 26-е февраля Ельниковъ первый разъ не ночевалъ дома; 26-го числа вечеромъ пришелъ къ нему упомянутый мужчина съ женщиною и, кромѣ того, еще другой свѣтлорусый его знакомый, причѣмъ пробыли у него до 12 час. ночи. 27-го и 28-го февраля Ельникова дома не было, а 1-го марта онъ всталъ раньше обыкновеннаго, въ 8 ч. утра, быстро одѣлся и ушелъ, послѣ чего уже не возвращался.

По предъявленіи Сиблюковой обвиняемыхъ Рысакова, Желябова, Софьи Перовской и Геси Гельфманъ, свидѣтельница признала въ нихъ лицъ, приходившихъ къ Ельникову и въ частности, въ Рысаковѣ—свѣтлорусого человѣка, нерѣдко приходившаго съ высокимъ, чернымъ мужчиною и его спутницей и бывшаго у Ельникова съ ними же 26-го февраля; въ Желябовѣ—человѣка, приходившаго къ Ельникову не менѣе 3-хъ разъ, въ Перовской—упомянутую спутницу высокаго чернаго мужчины; въ Гельфманѣ—женщину, три раза не заставшую Ельникова дома и въ послѣдній разъ оставшую ему записку.

По предъявленіи свидѣльницѣ трупа Николая Саблина, проживавшаго въ домѣ № 5 по Тельжаной улицѣ, подѣ именемъ Фесенко-Навроцкаго и застрѣливавшаго предъ обскомъ въ ночь на 3-марта, Сиблюкова признала въ немъ высокаго, чернаго мужчину, часто приходившаго къ Ельникову въбѣтъ съ упомянутою женщиною съ большимъ лбомъ.

По предъявленіи того же трупа Саблина свидѣльницѣ Ермолиной, она признала въ немъ сходство съ однимъ изъ шести лицъ, посѣщавшихъ Рысакова въ ея квартирѣ.

Сверхъ упомянутыхъ уже выше предметовъ, найденныхъ по обскому у Желябова, у Саблина и Гельфманъ, въ домѣ № 5-й, по Тельжаной улицѣ, и у Перовской, у нихъ, между прочимъ, оказались:

У Желябова, кромѣ номеровъ „Земли и Воли“ и „Народной Воли“ 1) нѣсколько прокламаций, въ томъ числѣ отъ „исполнительнаго комитета“ по поводу взрыва въ Зимнемъ дворцѣ 5-го февраля 1880 года, 2) гентографированная „Программа дѣйствій великорусской партіи социалстовъ-федералистовъ“ съ объяснительною запискою и 3) шестнадцать экземпляровъ фотографическихъ группъ осужденныхъ государственныхъ преступниковъ.

У Саблина и Гельфманъ—печатная прокламация отъ „исполнительнаго комитета“, съ надписью внизу: „Исполнительный комитетъ. 1-го марта 1881 года. Типографія Народной Воли. 2-го марта 1881 года“, по поводу злодѣянія 1-го марта, въ которой о немъ объявляется, какъ о совершившемся уже событіи съ изложеніемъ его причинъ и требованій предъявляемыхъ такъ называемою „соціально-революціонною партіею“ къ будущему; 2) многія революціонныя періодическія изданія и брошюры на русскомъ языкѣ; 3) два револьвера съ принадлежностями и кассетъ; 4) кусокъ грифеля съ вырѣзанною на немъ печатью московскаго генералъ-губернатора и 5)

записка безъ адреса, подписи и числа, на небольшомъ клочкѣ бумаги, относящаяся, повидимому, до организаціи преступной дѣятельности „партіи“. Въ запискѣ этой говорится о добычѣ и присылкѣ револьверовъ, кинжаловъ, паспортовъ, печатей мѣщанскаго старости; о дѣйствіи силою и, между прочимъ, значится: „дѣло пошло какъ по маслу, нужна бы женщина, еврейка, для неинтеллигентной роли, попросите отъ меня Гесю, не возьмется ли она за это; если нѣтъ, то тогда пусть А. М. поручитъ ей веденіе всѣхъ дѣлъ въ Питерѣ, а сама прѣзжаетъ“.

У Перовской—1) печатная программа „исполнительнаго комитета“; 2) два экземпляра печатной программы рабочихъ членовъ партіи „Народной Воли“; 3) 17 экземпляровъ „приложенія къ № 2-му „Рабочей Газетѣ“; 4) рукопись подѣ заглавіемъ: „Подготовительная работа партіи“, содержаніе которой, послѣ введенія, трактуящаго объ общихъ приготовленіяхъ къ возстанію, излагается по отдѣламъ съ слѣдующими заглавіями: А) центральная организація, Б) организація мѣстныхъ и спеціальныя, В) городскія рабочіе, Г) войско, Д) интеллигенція и молодежь и Е) Европа; 5) листки бумаги съ цифрами (повидимому, шифромъ) и разными замѣтками противоправительственнаго направленія; 6) записная книжка съ разными чертежами и замѣтками, представляющими какъ бы условные слова и знаки; 7) записка, писанная шрифтомъ, по разобраніи котораго оказалось, что часть записки представляетъ, повидимому, списокъ дѣйствительныхъ именъ, съ соотвѣствующимъ каждому изъ нихъ паролемъ (напр., „Колѣнѣ Егоръ—дѣлать къ обѣдѣ звонить“, „Бобковъ Василій—купецъ, вотъ тебѣ на водку“ и т. д.), а также указанія на организацію тайныхъ сношеній между разными лицами.

Книжка, бывшій при Рысаковѣ на мѣстѣ преступленія и полученный имъ, по его показанію отъ Желябова, по вышнему своему виду, имѣющимъ на немъ знакомъ и выдѣлкѣ, оказалась совершенно тождественнымъ съ книжками, отобранными: 1) у называющаго себя харьковскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Яковенко, арестованнаго въ Петербургѣ въ день задержанія Тритоніи и Желябова и обвиняемаго по дѣлу объ Александрѣ Михайловѣ и другихъ такъ называемыхъ террористовъ и 2) у вышеупомянутого сына священника Орлова, задержаннаго 3-го марта въ кондитерской Исакова, по одному изъ адресовъ, найденныхъ у обвиняемаго Тимофея Михайлова.

VII.

Независимо отъ всѣхъ приведенныхъ выше прямыхъ и косвенныхъ доказательствъ, показанія, данныя при разслѣдованіи настоящаго дѣла Рысаковымъ, представляя, кромѣ полнаго его сознанія еще и важныя разоблаченія, вполне освѣщаютъ планы, обстановку и самое совершеніе злодѣянія 1-го марта 1881 года.

Показанія эти, пространно и подробно изложенныя Рысавымъ собственноручно при девяти послѣдовательныхъ допросахъ и въ поданномъ имъ особомъ заявленіи, касаются, по своему содержанію, нижеслѣдующихъ главныхъ предметовъ:

1) Вступленіе въ соціально-революціонную партію и отношеніе къ ней. Сочувствіе къ соціально-революціонному движенію явилось у Рысакова еще до вступленія его въ горный институтъ, т. е. до сентября 1879 г., но до января 1881 г. участія въ дѣятельности партіи „Народной Воли“ онъ не принималъ. Съ начала учебнаго 1880/81 года Рысаковъ возмѣлъ мысль вступить въ революціонную рабочую организацію, такъ какъ сознавалъ невозможность достигнута какихъ-либо результатовъ при единичныхъ дѣйствіяхъ. Въ это же время на квартирѣ студента Урсыновича Рысаковъ познакомился съ Желябовымъ, называвшимся „Захаромъ“, знакомство съ которымъ дало возможность ему, Рысакову, расширить и осмыслить свою дѣятельность среди рабочихъ. Въ виду убѣдительнаго близости Рысакова съ рабочими подѣ предложено обученія ихъ грамотѣ, въ январѣ 1881 г. Желябовъ привелъ Рысакова въ 7-ю роту Измайловскаго полка, въ квартиру, занятую, по словамъ Желябова, легальными людьми, и тамъ познакомилъ его съ какимъ то человѣкомъ, который предложилъ ему вступить въ партію членомъ рабочей организаціи. Человѣкъ этотъ доставилъ Рысакову свѣдѣнія о дѣлахъ, составѣ и средствахъ партіи и, между прочимъ, обѣщалъ ему матеріальную помощь въ размѣрѣ 30 руб. въ мѣсяцъ.

Сближаясь съ рабочими подѣ предложено обученія ихъ грамотѣ, Рысаковъ старался организовать рабочіе кружки, возбуждая ихъ къ открытому возстанію съ цѣлью экономическаго и политическаго переворота. Какъ членъ организаціи, Рысаковъ бывалъ на собраніяхъ агитаціонной группы, и раза два или три эти собранія происходи-

ли у него. На этихъ собраніяхъ, гдѣ онъ встрѣчался съ Желябовымъ, обсуждались вопросы чисто спеціальныя и агитаціонныя, а о террористическихъ предпріятіяхъ говорили только какъ о способѣ къ оживленію рабочаго движенія и къ охраненію партіи отъ шпионовъ, но разсужденія эти носили на себѣ характеръ общій принципиальный, и личности для исполненія предпріятій еще не намѣчались.

Не раздѣляя всѣхъ воззрѣній „Народной Воли“ и считая ее не знаменемъ, а партіей, онъ тѣмъ не менѣе думалъ, что такъ какъ народъ, не подготовленный къ открытому возстанію, можетъ выйти изъ своего пассивнаго положенія только въ томъ случаѣ, если во главѣ его станеть смѣлый и рѣшительный предводитель, какимъ прежде были самозванцы, то роль эта должна быть выполнена партіей „Народной Воли“. Въ составѣ рабочей организаціи входили: а) агитаціонная группа для пропаганды и руководства движеніемъ и б) образованная среди рабочихъ въ февралѣ 1881 года, по инициативѣ Желябова, боевая дружина рабочихъ или террористическій отдѣлъ для охраненія движенія и рабочихъ отъ шпионовъ. Агитаціонная группа относилась къ исполнительному комитету, какъ подгруппа къ группѣ. Къ агитаціонной группѣ принадлежали кромѣ него, Рысакова, Желябова и Перовской, человѣкъ, называвшійся „Иваномъ“, и человѣкъ, извѣстный ему, Рысакову, подѣ названіемъ „Михаила Ивановича“ или „Котика“, котораго онъ призналъ въ предъявленномъ ему группѣ неизвѣстнаго, умершаго въ придворномъ госпиталѣ и проживавшаго подѣ именемъ Ельникова въ д. № 59, по Симбирской улицѣ. Террористическій же отдѣлъ состоялъ всего изъ 5—6 человѣкъ, а именно: изъ него, Рысакова, Желябова и „Михаила Ивановича“, каковаго то изъ интеллигентныхъ и, кажется, Тимофея Михайлова.

2) *Организація и совершеніе злодѣянія 1-го марта*, по словамъ Рысакова, не должны были явиться и въ дѣйствительности не были прямыми дѣлами „террористическаго“ отдѣла рабочихъ. Исходя изъ исполнительнаго комитета, это преступленіе было лишь предложено „Комитетомъ“ рабочей боевой дружинѣ, причѣмъ онъ, Рысаковъ, даже думалъ сначала, что самое посягательство будетъ совершено кѣмъ-либо изъ членовъ „Комитета“.

Рѣчь о царевѣбѣшла на собраніяхъ террористическаго отдѣла, происходившихъ сначала въ квартирѣ Рысакова, а затѣмъ въ особой конспиративной квартирѣ (Геси Гельфманъ) по Троицкому переулку; на этой послѣдней квартирѣ, нѣдѣлю за полторы до 1-го марта, Желябовъ „включилъ ключъ“, или, другими словами, вызвалъ добровольцевъ, желающихъ совершить новое покушеніе на жизнь Государя Императора, рѣшнное „исполнительнымъ комитетомъ“. Послѣ этихъ собраній, состоялось еще одно, въ какомъ то трактирѣ, гдѣ снова обсуждался вопросъ о покушеніи: сначала событие, о которомъ Желябовъ говорилъ съ Рысавымъ, въ видѣ предположенія, еще до упомянутыхъ собраній представлялось отдаленнымъ, но затѣмъ Рысаковъ сталъ замѣчать въ Желябовѣ и его товарищахъ лихорадочную поспѣшность, которую Рысаковъ объясняетъ тѣмъ, что составъ и силы партіи были разстроены только что постигшими ее арестами. На катерическое предложеніе Желябова совершить покушеніе Рысаковъ согласился, приблизительно за недѣлю до 1-го марта, послѣ чего вступилъ въ непосредственныя сношенія съ кружкомъ лицъ, устроившихъ посягательство, и былъ введенъ въ новую конспиративную квартиру на Тельжаной улицѣ, которая, по словамъ Желябова, и была нанята исключительно для подготовленія царевѣбства. На призывъ Желябова совершить преступленіе отозвались, кромѣ его, Рысакова, еще „Михаилъ Ивановичъ“ и Тимофей Михайловъ, а также, повидимому, и человѣкъ, называвшійся „Михаиломъ“, съ которыми, незадолго передъ тѣмъ, его познакомилъ Желябовъ, какъ съ „товарищемъ по дѣлу“. Сверхъ названныхъ лицъ, на „конспиративной квартирѣ“ появлялись и Перовская, съ которой Желябовъ познакомилъ его, Рысакова, еще въ началѣ зимы, причѣмъ Рысаковъ принималъ тогда же участіе, вмѣстѣ съ „Михаиломъ Ивановичемъ“, въ постоянномъ и правильномъ наблюденіи за выѣздами Государя Императора, которое было организовано Перовскою. На конспиративной квартирѣ по Тельжаной улицѣ, собирались добровольцы, т. е. онъ, Рысаковъ, „Михаилъ Ивановичъ“, Тимофей Михайловъ и „Михаилъ“. Здѣсь же Рысаковъ видѣлъ Гесю Гельфманъ, а также человѣка, признаваго имъ въ предъявленномъ ему группѣ Саблина. На первое же собраніе, вслѣдъ за Желябовымъ, явился человѣкъ, котораго называли „техникомъ“ и который подробно объяснялъ устройство метательныхъ снарядовъ, но принесеннымъ имъ образцамъ 28-го февраля онъ, Рыса-

ковъ, „техникъ“, Тимофей Михайловъ и „Михаилъ Ивановичъ“ ходили за городъ въ пустынное мѣсто, за Смоленскимъ монастыремъ, пробовать образцы снарядовъ; снарядъ этотъ былъ брошенъ Тимофеемъ Михайловымъ и удачно разорвался. Оттуда участники задуманнаго преступленія отправились на конспиративную квартиру, для полученія какихъ то указаній отъ Желябова, который, однако же, не при пошлѣ, причѣмъ, кажется, Гельфманъ сказала, что если онъ не придетъ, „то значить занятъ“. На другой день, 1-го марта, въ 9-ть часовъ утра, согласно составившемуся наканунѣ уговору, всѣ вновь сошлись на конспиративной квартирѣ, для полученія снарядовъ и необходимыхъ указаній. Здѣсь были: онъ, Рысаковъ, Тимофей Михайловъ, „Михаилъ Ивановичъ“ и „Михаилъ“. Вскорѣ пришла Перовская и принесла съ собою узелъ съ снарядами, въ которыхъ ихъ было не больше двухъ: она сообщила объ арестѣ Желябова и объяснила, что, не смотря на работу въ теченіе всей ночи, не успѣли приготовить предложеннаго прежде количества снарядовъ. „Можетъ быть и еще принесутъ“, сказала Перовская, „нужно довольствоваться малымъ“. Затѣмъ явился техникъ и, какъ кажется, Рысакову, также принесъ снаряды. Всѣ указанія для совершенія злодѣянія были даны Перовскою, которая начертила на конвертѣ планъ мѣстности и каждому изъ участниковъ указала на немъ назначенный ему пунктъ. При этомъ состоялось слѣдующее распредѣленіе: на Малой Садовой имѣлъ произойти взрывъ, при проѣздѣ Государя, а лица, вооруженныя метательными снарядами, были разставлены по близости. Онъ, Рысаковъ, долженъ былъ стать у Екатерининскаго сквера, а „Михаилъ“ на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой. На противоположномъ концѣ этой улицы, на углу Большой Итальянской близъ Манежной площади, какъ на опаснѣйшемъ мѣстѣ, должны были помѣститься лица, болѣе другъ съ другомъ знакомыя, болѣе опытыя, и съ лучшимъ революціоннымъ проицлмъ; здѣсь могли стать „Михаилъ Ивановичъ“ и Тимофей Михайловъ. При взрывѣ на Малой Садовой, гдѣ, по словамъ Перовской, Государя „уже ждуть“, всѣ лица со снарядами должны были, на случай неудачи, спѣшить къ мѣсту взрыва. Въ случаѣ же, если бы Государь Императоръ не прослѣдовалъ по Малой Садовой, то свиданія съ Перовскою было условлено на Михайловской улицѣ, гдѣ она должна была подать знакъ о томъ, что слѣдуетъ идти на Екатерининскій каналъ и здѣсь ждать возвращенія Государя въ Зимній дворецъ, послѣ обычнаго посѣщенія Имъ Михайловскаго дворца.

Когда же оказалось, что Государь Императоръ прослѣдовалъ въ манежъ не по Малой Садовой, а изъ манежа, послѣ посѣщенія Михайловскаго дворца, направился по Екатерининскому каналу, то онъ, Рысаковъ, придя по сигналу Перовской на набережную этого канала, бросилъ свой снарядъ завернутый въ платкѣ, подѣ ноги лошадямъ ѣхавшей ему на встрѣчу Императорской кареты, послѣ чего и былъ задержанъ. Тутъ же на набережной онъ, какъ ему кажется, видѣлъ предъ собою на далекомъ разстояніи „Михаила Ивановича“.

3) Стараясь объяснить причины, побудившія его примѣститься на Царевѣбство, Рысаковъ показалъ, что партія „Народной Воли“ считаетъ терроръ однимъ изъ средствъ предпринятой ею политической борьбы, во 1-хъ) для охраненія революціоннаго движенія; во 2-хъ) для того, чтобы доказать народу силу и тѣмъ „высоко держать свое знамя и доставить ему обаяніе“; въ 3-хъ) какъ отвѣтъ на строгія репрессивныя мѣры правительства. Этими же соображеніями обусловливался и рѣшительный стремленіе къ царевѣбству. Не раздѣляя въ цѣломъ ихъ составъ и не сочувствуя террору вообще, какъ постоянному средству борьбы, онъ, Рысаковъ, однако же, видѣлъ въ террорѣ и въ особенности въ посягательствѣ на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Монарха въ данное время, единственный, по его мнѣнію, выходъ изъ общаго латанутаго и тягостнаго положенія, единственное средство создать новыя удобнѣйшія условія жизни и дѣятельности социалста, какъ дѣятеля во имя блага народа. „Соціалста“, заявляетъ обвиняемый, „если образно выразиться, носилъ свое право отъ дѣла революера“. Въ частности, съ своей собственной точки зрѣнія, онъ, Рысаковъ, видѣлъ въ удачномъ царевѣбствѣ средство: 1) прекращенія вообще террора, уже не нужнаго при новомъ стрѣбѣ; 2) свободнаго развитія мирной соціалистической пропаганды; 3) устраненія экономическихъ причинъ, могущихъ вызвать кровавый деревенскій аграрный терроръ, направленный противъ ближайшихъ враговъ крестьянства или безформенный, народный бунтъ, недоступный руководству партіи и притомъ столь страшный по своимъ послѣдствіямъ, что, по подлиннымъ словамъ Рысакова, даже „мы, зако-

ренѣлые злодѣи, и тѣ пугались его“ и наконецъ 4) устраненія непримиримовраждебнаго отношенія Верховной власти къ социалстамъ. Въ силу всего этого, онъ, по справедливому выраженію Желябова, дѣйствительно рвался на царевѣбство. Такимъ образомъ, онъ, Рысаковъ, выступивъ, по предложенію Желябова, добровольцемъ для совершенія посягательства на жизнь Государя Императора, въ сущности совершенно расходился со всею партіею во взглядахъ на значеніе и цѣли этого дѣянія, посредствомъ котораго онъ хотѣлъ вызвать, при измѣнившихся условіяхъ внутренней политической жизни всей страны, переходъ отъ несочувственной ему исключительно политическаго борьбы къ болѣе согласно съ его убѣжденіями мирной экономической борьбы за истинныя, чуждыя посторонней примѣси, соціалистическія начала. Поэтому, давая Желябову согласіе на преступленіе 1-го марта, онъ, поступалъ не какъ слѣпое орудіе, а по его выраженію „по чистой совѣсти и побужденіямъ своей души и сердца“.

Въ разясненіи прошедшей жизни и личной обстановки Рысакова дознаніемъ обнаружены нѣкоторыя характеристическія данныя, а именно:

Сынъ управляющаго дѣспильнымъ заводомъ Громова въ вытегорскомъ уѣздѣ, олонечной губ., Рысаковъ родился 2-го мая 1861 г., а въ 1874 г. поступилъ въ Череповецкое реальное училище, гдѣ успѣшно окончилъ курсъ въ 1878 г. и затѣмъ поступилъ въ горный институтъ, отъ котораго, по крайней бѣдности, неоднократно получалъ единовременныя пособія въ 30—50 руб., въ томъ числѣ деньги для внесенія платы за слушаніе лекцій и на практическія занятія. Кромѣ того, онъ получалъ еще изъ конторы Громова по 30 руб. въ мѣсяцъ за счетъ своего отца. Въ декабрѣ 1879 г., по арестованіи государственнаго преступника Степана Ширяева, Рысаковъ съ товарищемъ своимъ Коновальнымъ явился на квартиру Ширяева требовать выдачи оставшихся послѣ него вещей, вслѣдствіе чего и былъ задержанъ, причѣмъ оказалось, что предъ этимъ Рысаковъ жилъ на одной квартирѣ съ обвиняемымъ по одному съ Ширяевымъ дѣлу, Анною Долгоруковою. Въ декабрѣ 1880 года былъ произведенъ обыскъ у задержаннаго въ политическую неблагонадежности рабочаго Ивана Гаврилова, у котораго проживалъ и Рысаковъ. Это обстоятельство, по объясненію Рысакова, и побудило его, во избѣжаніе ареста, перейти на такъ называемое „незаконное“ положеніе, т. е. проживать по чужому паспорту на имя Глазова. Съ того же времени, приближительно съ января 1881 года, онъ окончательно примкнулъ къ „соціально-революціонной партіи“ и сталъ чрезъ Желябова получать содержаніе изъ ея фонда по 30 руб. въ мѣсяцъ. За недѣлю до перехода его на незаконное положеніе, Желябовъ, записавъ, ему о крайней недостаточности средствъ „соціально-революціонной партіи“, просилъ его достать денегъ, вслѣдствіе чего Рысаковъ, подѣ предложомъ практическихъ занятій, взялъ у кассира Громова свое содержаніе за 3 мѣсяца впередъ, изъ котораго и передалъ Желябову около 50 руб.

По отзывамъ свидѣтелей, знавшихъ Рысакова въ Череповецкомъ реальномъ училищѣ и въ горномъ институтѣ, онъ учился усердно и велъ весьма скромную жизнь. По показанію свидѣльницъ Ермолиной, Рысаковъ, обыкновенно встававшій послѣ ночныхъ отлучекъ весьма поздно, 1-го марта всталъ рано и, въ противоположность своей вседневной утомленности, казался особенно веселымъ и разговорчивымъ. На вопросъ Ермолиной, куда онъ собирался такъ рано, Рысаковъ, уходя, отвѣчалъ: „служба“, а на замѣчаніе ея, что сегодня воскресенье и нигдѣ присутствія нѣтъ, обвиняемый сказалъ, что онъ идетъ въ гости и что это—„все равно служба“.

Обвиняемый Андрей Ивановъ Желябовъ, признавая фактическию сторону приписываемыхъ ему преступныхъ дѣяній и сообщая нѣкоторыя подробности объ организаціи „соціально-революціонной партіи“ объяснилъ, что служить дѣлу народнаго освобожденія и принадлежать къ партіи „Народной Воли“, которая считаетъ уничтоженіе правителей однимъ изъ средствъ активной борьбы для достиженія своихъ цѣлей. Состоя агентомъ третьей степени при „исполнительномъ комитетѣ“, т. е. пользуясь его полнымъ довѣріемъ, онъ получилъ отъ „Комитета“ порученіе организовать посягательство на жизнь Государя Императора. Для этой цѣли изъ всѣхъ боевыхъ дружинъ партіи, которыхъ въ распоряженіи „Комитета“ имѣется нѣсколько, и въ томъ числѣ боевая рабочая дружина, были вызваны „добровольцы“. Изъ числа откликнувшихся на этотъ призывъ 47 человѣкъ, онъ, Желябовъ, выбралъ наиболѣе, по его мнѣнію, пригодныхъ, въ томъ числѣ и Рысакова, котораго онъ считалъ однимъ изъ са-

мыхъ преданныхъ революціонному дѣлу дѣятелей, но котораго, однако же, онъ, Желябовъ, отодвигал лишь мѣсто пособника, для выправки изъ него самостоятельнаго бойца на будущее время. Не сообщая объ этомъ Рысакову, обвиняемый заставлялъ его переносить самыя серьезныя ожиданія. Тѣмъ не менѣе, вліяніе его, Желябова, подѣ которымъ въ извѣстной степени находился Рысаковъ, не исключало его самостоятельнаго развитія и таковой же дѣятельности. Для совершенія царевѣбства были избраны метательные снаряды. Тимофей Михайловъ въ этомъ дѣлѣ не принималъ никакого участія. Что же касается до него, Желябова, то арестъ помѣщалъ ему принятъ физическое участіе въ посягательствѣ на жизнь Государя Императора, нравственное же его участіе было полное.

2-го марта обвиняемый Желябовъ прислалъ на имя прокурора с.-петербургской судебной палаты заявленіе, въ которомъ, высказывая свою совершенную солидарность съ Рысавымъ и требуя, по его выраженію, „пріобщенія его Желябова, къ дѣлу 1-го марта“, объясняетъ, „что онъ многократно покушался на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора и не принималъ физическаго участія въ преступленіи 1-го марта лишь по „судачности“. Далѣе, восхваляя Рысакова, онъ выражаетъ описаніе, что правительство, „за недостаткомъ формальныхъ уликъ противъ него, „ветерана революціи“, предпочтетъ „выбѣжню законность внутренней справедливости“, во избѣжаніе чего онъ, Желябовъ, и проситъ о привлеченіи его къ настоящему дѣлу.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о личности и прошедшемъ Желябова, котораго умершій обвиняемый по дѣлу о такъ называемыхъ „террористахъ“ Гольденбергъ характеризуетъ какъ личность „въ высшей степени развитую и гениальную“, оказывается, что Желябовъ въ 1872 г. былъ исключенъ изъ новороссійскаго университета за безпорядки, затѣмъ судился по дѣлу о революціонной пропагандѣ и, по оправданіи, по собственному его показанію, проживалъ подѣ разными именами въ разныхъ мѣстахъ, на средства изъ фонда народа.

Обвиняемая Софья Львова Перовская, признавая какъ принадлежность свою къ партіи „Народной Воли“, такъ и свое участіе въ посягательствѣ 1-го марта 1881 г., показала, что она занимается революціонною дѣятельностью, а средства къ жизни получаетъ частью изъ фонда партіи. Получивъ домашнее образованіе и поскупивъ въ 1869 г. на высшіе женскіе курсы при 5-й с.-петербургской мужской гимназіи, она въ 1870 г., оставивъ родительскій домъ и, послѣ нѣкотораго подготовленія, сдѣлалась народной учительницей, а въ 1872 г., примкнула къ революціонному движенію, причѣмъ нѣсколько разъ подвергалась аресту и судилась по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи. Въ 1878 г. она была вновь арестована и подлежала административной высылкѣ въ олонечную губ., но съ пути слѣдованія скрылась и съ тѣхъ поръ жила „незаконно“ подѣ разными фамиліями и по подложнымъ выдѣламъ на жительство. Въ іюнѣ 1880 г. подѣ фамиліей Войновича она поселилась въ Петербургѣ, въ д. № 11/12 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, въбѣтъ съ своей знакомой, настоящей фамиліи которой она называть не можетъ и которая проживала подѣ фамиліею Синовичъ. Въ сентябрѣ, къ ней на квартиру, вмѣстѣ ѣхавшей Синовичъ, переѣхалъ Желябовъ. Какъ членъ „партіи“ и „Народной Воли“ и „агентъ исполнительнаго комитета“, она знала обо всемъ происходившемъ въ террористической отрасли дѣятельности этой партіи и принимала непосредственное участіе какъ въ приготовленіяхъ къ преступленію 1-го марта и въ происходившихъ по поводу его событіяхъ между соучастниками, такъ и въ самихъ дѣйствіяхъ по исполненію замысла. Уже за нѣсколько времени до 1-го марта она вмѣстѣ съ другими лицами слѣдила за обычными выѣздами Государя Императора и затѣмъ участвовала въ состоявшемся 28-го февраля согласеніи дѣйствовать именно 1-го марта. Подходя по Малой Садовой къ устройству на случай проѣзда Государя по этой улицѣ. Независимо отъ этого подпона предстояло еще дѣйствіе метательными снарядами, часть коихъ именно два,—она, Перовская, угрозъ привезла въ д. № 5 по Тельжаной улицѣ, въ квартиру, хозяйками которой были застрѣлившіеся въ ней передъ обскомъ человѣкъ (Саблинъ) и Геси Гельфманъ. Своихъ снарядовъ въ означенной квартирѣ не было, но откуда они были принесены туда обвиняемою, а также сколько ихъ всѣхъ было, считать въ томъ числѣ боевая рабочая дружина, были вызваны „добровольцы“. Изъ числа откликнувшихся на этотъ призывъ 47 человѣкъ, онъ, Желябовъ, выбралъ наиболѣе, по его мнѣнію, пригодныхъ, въ томъ числѣ и Рысакова, котораго онъ считалъ однимъ изъ са-

яслила своим соучастникам по приезде своим на квартиру по Тельной улице утром названного дня. Здѣсь же при окончательном распредѣленіи участка каждому, она нарисовала на конвертѣ найденный по обыску въ квартирѣ Саблина и Гельфманъ планъ мѣстности, на которой и объяснила лицамъ, отправлявшимся со снарядами, гдѣ они должны были находиться. Сколько ихъ было, она сказать не желаетъ, равнымъ образомъ не желаетъ и назвать ихъ, кромѣ Рысакова, также получившаго снарядъ. По заранѣ составленному плану, отправивъ на условенныя мѣста лицъ, вооруженныхъ снарядами, обвиняемая также отправилась на мѣсто дѣйствія, причѣмъ находилась на углу Большой Итальянской улицы и Михайловской площади для того, чтобы наблюдать за направлениемъ пути, принимаемымъ Государемъ Императоромъ. Увидявъ, что Его Величество, не проѣхавъ по Малой Садовой и такимъ образомъ благополучно миновалъ устроенный на ней подкопъ, направляется изъ манежа въ Михайловскій дворецъ, а затѣмъ имѣетъ слѣдовать по Екатерининскому каналу, она, Перовская, пошла по Михайловской улицѣ, гдѣ встрѣченными ею лицамъ со снарядами, въ томъ числѣ и Рысакову подала молча, сморкаясь въ платокъ, условный сигналъ, означавшій, что нужно идти для дѣйствія на Екатерининскій каналъ. Сама же она снаряда при себѣ не имѣла, такъ какъ такового для нея въ этотъ день не достало. Подавъ сигналъ, обвиняемая вышла на Невскій проспектъ и затѣмъ по Казанскому мосту обошла на противоположную сторону Екатерининскаго канала, для того, чтобы отсюда наблюдать за дѣйствиемъ метательныхъ снарядовъ. Во время обхода взрывовъ, она находилась на противоположной сторонѣ Екатерининскаго канала и по совершении ихъ удалялась.

Что же касается до мотивовъ своей преступной дѣятельности въ составѣ „парти Народной Воли“, то Перовская дала имъ слѣдующее объясненіе: стремясь къ поднятію экономическаго благосостоянія народа, а также уровня его нравственнаго и умственнаго развитія, члены парти, съ цѣлью пробудить въ народѣ общественную жизнь и сознание его гражданскихъ правъ, стали селиться въ разныхъ мѣстностяхъ среди народа для пропаганды. Когда же правительство отбѣгло на это радомъ преслѣвшихъ мѣръ, и тѣмъ слѣдало такую постановку дѣятельности невозможной, „партия“ послѣ долгаго колебанія была вынуждена перейти къ политической борьбѣ противъ существующихъ государственныхъ формъ, какъ главнаго препятствія достиженія цѣлей „парти“. Большинство „парти“ не сочувствовало этой борьбѣ, порицало ее, но она, тѣмъ не менѣе, была принята и притомъ главнымъ образомъ посредствомъ „террористическихъ фактовъ“. Упорство же въ покушеніяхъ на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, было вызвано убѣжденіемъ, что усопшій Государь никогда не измѣнитъ „ни Своего отношенія къ парти“, ни Своей внутренней политики.

Кромѣ вышеприведенныхъ, самою обвиняемою Перовскою сообщенныхъ свѣдѣній о ея прошломъ, изъ дѣла видно: 1) что въ 1871 г. Софья Перовская, бывшая тогда 18 лѣтъ отъ роду, привлекалась къ дознанію о Николаѣ Гончаровѣ и тайномъ кружкѣ, въ составъ котораго входилъ, кромѣ Гончарова, обвинявшіеся впоследствии въ государственныхъ преступленіяхъ Натансонъ, Чудновскій, Чайковскій и др., 2) что по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, Перовская привлекалась къ суду по обвиненію въ принадлежности къ тайному преступному кружку „Чайковцевъ“, образованному въ 1873 г., но была оправдана.

Обвиняемая Гесса Мировая Гельфманъ, не признавая себя ни въ чемъ виновною, первоначально отказалась дать какія-либо объясненія какъ по содержанію предъявленныхъ къ ней обвиненій, такъ и вообще по обстоятельствамъ настоящей дѣла, а затѣмъ, на допросѣ 12-го марта сего года, по признаніи ея свидѣлемъ Усаномъ Булатовымъ за личность, живущую въ д. № 27/1 по Троицкому переулку, подъ именемъ Николаевой, показала, что она дѣйствительно жила въ этой квартирѣ, которая была „конспиративною“, съ человекомъ, называвшимся ея мужемъ Андреемъ Николаевымъ; настоящаго же имени его она сказать не желаетъ. Здѣсь бывали у нихъ Желябовъ, Перовская и человѣкъ, умершій 1-го марта въ придворномъ госпиталѣ извѣстный ей, Гельфманъ, подъ именемъ „Михаила Ивановича“ или „Котика“. Здѣсь же у Гельфманъ и ея сожителя помѣщалась тайная типографія „Рабочей Газеты“, 1-й номеръ которой, а также „программа рабочихъ членовъ парти“ и были напечатаны, причѣмъ она, Гельфманъ, исполняла обязанности наборщицы. „Рабочую Газету“ она сама раздавала между рабочими. Желябовъ былъ сотрудникомъ этой газеты, печатаніе которой у нихъ въ квар-

тирѣ прекратилось недѣлю за двѣ до переѣзда обвиняемой изъ Троицкаго переулка, когда всѣ принадлежности типографіи были куда то увезены отъ нихъ. Послѣ того, какъ называвшійся мужемъ ея Николаевымъ былъ, по выраженію Гельфманъ, „отозванъ по дѣлу“, она, вмѣстѣ съ Саблинымъ, который подѣ именемъ Фесенко-Навроцкаго назывался также ея мужемъ, переѣхала въ д. № 5-й по Тельной улицѣ.

По имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ, Гесса Гельфманъ была осуждена въ 1877 г. по дѣлу о распространеніи книгъ преступнаго содержанія въ губерніяхъ московской и другихъ, и приговорена особымъ присутствіемъ правительствующаго сената за принадлежность къ преступному тайному сообществу, по лишеніи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, къ заключенію въ рабочемъ домѣ на 2 года. Приговоръ этотъ былъ обращенъ къ исполненію, причѣмъ срокъ содержанія Гельфманъ въ рабочемъ домѣ истекъ 7 мая 1879 г.

Обвиняемый Тимофей Михайловъ, отказываясь отвѣчать на большую часть предложенныхъ ему вопросовъ, между прочимъ и на вопросы о предметахъ обвиненія, призналъ свою принадлежность какъ къ той части „русской социально-революціонной парти“, которая придерживается террористическаго направленія, такъ, въ частности, и къ „боевой рабочей дружинѣ“, имѣющей, по его словамъ, цѣлью охранять рабочихъ отъ ихъ враговъ, напр., шпіоновъ, а также подвергать избиенію нелюбимыхъ рабочимъ мастеровъ. Другину эту обвиняемый называетъ „терроромъ“. 3 марта, онъ пришло въ домъ № 5-й, по Тельной улицѣ, по приглашенію своего товарища, называющаго не желаетъ. Все, что въ показаніяхъ Рысакова относится до него, Михайлова, онъ признаетъ ложью. Предъ задержаніемъ своимъ онъ проживалъ на углу Дегтярной и 5-й улицъ Песковъ, въ домѣ № 22/14, подѣ именемъ и по паспорту черниговскаго мѣщанина Сергія Ланина.

По собраніямъ, при дознаніи, свѣдѣніямъ, Тимофей Михайловъ, по прозвищу Махровъ, ремесломъ котельщикъ, прибылъ въ С.-Петербургъ съ родины лѣтъ 6 тому назадъ и затѣмъ работалъ на разныхъ заводахъ, причѣмъ, по удостовѣренію сына дачка Александра Бѣлчича, работавшаго вмѣстѣ съ Михайловымъ на заводѣ Фридриха, Михайловъ уже года 1½ тому назадъ, повидимому, принадлежалъ къ тайному сообществу или кружку рабочихъ, въ которыхъ читались запрещенныя брошюры и газеты „Земля и Воля“. По показанію брата Тимофея Михайлова, Григорія Михайлова, онъ жилъ вмѣстѣ съ братомъ въ началѣ февраля на заводѣ, бывшемъ Макферсона, гдѣ Тимофей Михайловъ проработалъ всего 1½ дня, и затѣмъ, взявъ свой паспортъ, ушелъ, послѣ чего братъ его уже болѣе не видѣлъ.

VIII.

Сверхъ вышеизложенныхъ предметовъ настоящей дѣла, на обвиняемыхъ Андрея Иванова Желябова и Софью Львову Перовскую, падаетъ еще обвиненіе въ участіи, вмѣстѣ съ другими лицами, на первомъ—въ покушеніи на жизнь Священной Особы Его Императорскаго Величества, произведенномъ 18 ноября 1879 года, близъ Александровска, Екатеринбургской губерніи, а на вторую—въ такомъ же покушеніи, совершенномъ 19 того же ноября, близъ г. Москвы, на линіи московско-курской жел. дор.

1) Къ изобличенію Желябова въ вышеуказанномъ преступленіи служатъ слѣдующія данныя дознанія:

Привлеченный къ дознанію по обвиненію въ убійствѣ харьковскаго губернаго князя Крапоткина, совершенномъ 9 февраля 1879 года въ г. Харьковѣ и въ покушеніи на жизнь Священной Особы Государя Императора, совершенномъ 2 апрѣля 1879 года, сынъ купца Григорій Гольденбергъ, нынѣ умершій, въ показаніи своемъ, данномъ въ маѣ 1880 года, между прочимъ, объяснилъ, что во второй половинѣ іюня мѣсяца 1879 г., въ г. Липецкѣ, Тамбовской губерніи, состоялся общій съѣздъ дѣятелей социально-революціонной парти въ Россіи, для нересмотра программы народнической парти и совѣщанія о мѣрахъ противодействія строгимъ правительственнымъ распоряженіямъ. Въ числѣ лицъ, собравшихся въ Липецкѣ, въ количествѣ около 15 человѣкъ, на съѣздѣ этомъ былъ крестьянинъ Андрей Ивановичъ Желябовъ, проживавшій въ то время подѣ именемъ Чернышевскаго. Совѣщанія липецкаго съѣзда привели къ рѣшенію предпринять цѣльный рядъ покушеній на жизнь Священной Особы Государя Императора и, между прочимъ, „произвести взрывъ полотна желѣзной дороги близъ г. Александровска, Екатеринбургской губерніи, во время съѣзда Императорскаго поѣзда по пути изъ Крыма. По словамъ Гольденберга, въ двадцатыхъ числахъ сентября мѣсяца 1879 года, въ г. Харь-

ковѣ прибыли: нѣкто Кошурниковъ и Андрей Прѣсняковъ (нынѣ казенный), которые привезли съ собою около трехъ пудовъ динамита для употребленія ихъ при взрывѣ близъ г. Александровска; въ то же время, въ г. Харьковѣ устраивались сходки для обсужденія вопроса о способѣ осуществленія этого посягательства на жизнь Государя Императора. Здѣсь Гольденбергъ и Желябовъ (подѣ именемъ Борисова), доказывая на сходкахъ необходимость террористическаго образа дѣйствій, подготавливали все нужное для приведенія въ исполненіе своего преступнаго умысла.

Изъ числа лицъ, участвовавшихъ на сходкахъ—Желябовъ, Акимовъ (тоже Баска) и нынѣ осужденнымъ Тихоновъ и Окладскимъ было поручено произвести взрывъ подѣ Императорскимъ поѣздомъ въ г. Александровскѣ, куда Желябовъ послѣ этого и отправился подѣ именемъ купца Черемисовымъ (т. е. дознаніи о 16 лицахъ, обвин. въ государствен. преступл. т. 16—22). Въ октябрѣ же мѣсяцѣ 1879 года, какъ удостовѣрили спрошенные при дознаніи свидѣтели: мѣщане Тимофей и Марія Бовенко, въ г. Александровскѣ пріѣхалъ молодой человѣкъ, называвшійся Ярославскимъ купцомъ Черемисовымъ, и сталъ хлопотать объ отводѣ ему участка земли для устройства кожевеннаго завода. Получивъ разрѣшеніе думъ на устройство этого завода, онъ выбралъ себѣ участокъ земли близъ полотна желѣзной дороги, но въ отводѣ этого участка ему было отказано, послѣ чего онъ указалъ другой участокъ, близъ селенія Вознесенки, въ сторонѣ, противоположной отъ желѣзной дороги. Въ концѣ октябрю мѣсяца, Черемисовъ (Желябовъ) поселился въ домѣ мѣщанъ Бовенко съ какою то женщиною, которую онъ называлъ своею женою; съ этого времени у него стали появляться новыя лица, изъ коихъ двое оставались и жили у него—одинъ около мѣсяца, а другой въскольکو дней; постоянно говоря съ своими хозяевами и сосѣдями о своемъ намѣреніи устроить кожевенный заводъ, онъ, однако же, не принималъ никакихъ мѣръ къ его устройству; въ половинѣ ноября мѣсяца, выѣхала изъ г. Александровска женщина, называвшая себя женою Черемисова, а въ двадцатыхъ числахъ ноября уѣхали отъ двора Черемисовъ и находившіеся съ нимъ въ сношеніяхъ два лица; при этомъ Черемисовъ наскоро продалъ имѣвшіеся у него лошадей и телѣгу и оставилъ въ домѣ Бовенко всю мебель. По справкѣ въ александровскій мѣщанской управѣ, паспортъ, предъявленный Черемисовымъ въ александровскомъ уѣздномъ полицейскомъ управленіи, оказался подложнымъ.

Указаніе Гольденбергомъ, какъ бывшее, кромѣ Желябова, участниками злодѣйскаго покушенія на жизнь Государя Императора въ г. Александровскѣ, Андрей Прѣсняковъ, Яковъ Тихоновъ и Иванъ Окладскій сознались въ этомъ преступленіи и были осуждены за это приговоромъ с.-петербургскаго военно-окружнаго суда, состоявшимся въ октябрѣ 1880 года; Якимовъ же остался нераскрытымъ. Изъ показаній упомянутыхъ осужденныхъ, а также изъ протокола осмотра мѣста закладки ими динамитной мины видно, что два мѣдныя цилиндра съ динамитомъ и другія приспособленія для работы по устройству взрыва были заготовлены привезены къ мѣсту изъ злоумышленниковъ въ г. Александровскѣ, въ квартиру Бовенко. Въ теченіи двухъ ночей производилась работа по укладкѣ проволки отъ грунтовой дороги, идущей отъ г. Александровска въ окрестныя селенія, къ полотну желѣзной дороги, на четвертой верстѣ отъ города, по пути къ станціи Лозовой; затѣмъ послѣдовала самая закладка двухъ цилиндровъ съ динамитомъ подѣ шпалы, гдѣ они были уложены одинъ отъ другого на разстояніи 34-хъ сажень; проволочка, проложенная отъ пробѣжѣй дороги до обрыва, спускалась въ оврагъ и затѣмъ, поднимаясь на насыпь желѣзнодорожнаго пути, вышиною въ 11 сажень, соединялась тамъ съ заложеными подѣ шпалы цилиндрами, а отъ нихъ шла къ ближайшему цинковому листу, который сообщался со вторымъ листомъ, уложеннымъ въ 7 саженьяхъ отъ пробѣжѣй дороги и, въ свою очередь, соединявшимся проволокою съ аппаратомъ, помѣщеннымъ въ телѣгѣ въ моментъ неудачнаго взрыва. 16-го ноября, Прѣсняковъ, поселившійся въ г. Симферополѣ, для полученія свѣдѣній о времени выѣзда Государя Императора изъ Крыма, пріѣхалъ въ г. Александровскъ и сообщивъ своимъ единомышленникамъ, что Государь Императоръ просидѣтъ чрезъ г. Александровскъ 18-го числа того же мѣсяца. Въ этотъ послѣдній день, часовъ въ 9 утра, Тихоновъ, Желябовъ, Окладскій и Прѣсняковъ, помѣстивъ въ телѣгу аппаратъ, поѣхали къ тому мѣсту, гдѣ у нихъ были заложены мины, и въ домъ близъ заложены мины, извѣстныя въ Липецкѣ, въ количествѣ около 15 человѣкъ, на съѣздѣ этомъ былъ крестьянинъ Андрей Ивановичъ Желябовъ, проживавшій въ то время подѣ именемъ Чернышевскаго. Совѣщанія липецкаго съѣзда привели къ рѣшенію предпринять цѣльный рядъ покушеній на жизнь Священной Особы Государя Императора и, между прочимъ, „произвести взрывъ полотна желѣзной дороги близъ г. Александровска, Екатеринбургской губерніи, во время съѣзда Императорскаго поѣзда по пути изъ Крыма. По словамъ Гольденберга, въ двадцатыхъ числахъ сентября мѣсяца 1879 года, въ г. Харь-

ковѣ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ была заложена мина, по сигналу Окладскаго „жаръ“—Желябовъ сомкнулъ цѣпь, но, по неизвѣстной причинѣ, взрыва не произошло, и Императорскій поѣздъ прослѣдовалъ благополучно мимо злоумышленниковъ. По изслѣдованіи цилиндровъ, найденныхъ, по указанію осужденнаго Тихонова, подѣ шпалами, экспертъ генералъ-майоръ Федоровъ нашелъ, что цилиндры эти представляютъ собою двѣ мины, снаряженные магнетальными динамитами и снабженныя электрическими запалами, причѣмъ одинъ цилиндръ спола наполненъ динамитомъ, а другой—только до половины. Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго, по задержаніи его 27-го февраля въ Петербургѣ, Желябовъ объяснилъ, что, какъ членъ социально-революціонной парти, онъ для осуществленія идеи уничтоженія правителей и по порученію исполнительнаго комитета, организовалъ покушеніе близъ г. Александровска и принималъ въ осуществленіи его непосредственное участіе.

2) Обстоятельства покушенія 19-го ноября 1879 г. на линіи московско-курской желѣзной дороги представляются, какъ выяснено дознаніемъ, въ слѣдующемъ общемъ видѣ:

19-го ноября 1879 г., въ одиннадцатомъ часу вечера, на третей верстѣ отъ московской станціи московско-курской желѣзной дороги, во время слѣдованія въ Москву поѣзда съ Императорскою свитою, былъ произведенъ взрывъ полотна желѣзной дороги, вслѣдствіе чего произошло крушеніе поѣзда, въ которомъ злоумышленники, очевидно, предполагали присутствіе въ Бозѣ почившаго Государя Императора. По удостовѣренію управляющаго московско-курской желѣзной дороги и помощника начальника первой дистанціи Потемкина, входившіе въ составъ этого поѣзда два паровоза и первый багажный вагонъ оторвались, одинъ багажный вагонъ перевернулся вверхъ колесами и восемь вагоновъ сошли съ рельсовъ, съ болѣе или менѣе значительными поврежденіями, но при этомъ ни лица, слѣдовавшія на поѣздѣ, ни посторонніе лица не понесли никакихъ поврежденій.

При осмотрѣ мѣста взрыва было обнаружено, что онъ былъ произведенъ посредствомъ мины, заложеной подѣ полотну желѣзной дороги и проведенной изъ нижняго этажа дома, расположеннаго въ 20-ти саженьяхъ отъ желѣзнодорожнаго пути и купленного, незадолго передъ тѣмъ, личною, именовавшеюся саратовскими мѣщаниномъ Сухоруковымъ; изъ нижняго этажа этого дома была выведена, имѣвшая видъ трехгранной призмы, галерея, размыромъ 0,37 саж. въ основаніи и 0,5 саж. въ высоту, обшита въ основаніи и по бокамъ досками; при осмотрѣ упомянутого дома оказалось, что взрывъ былъ произведенъ при посредствѣ спирали Румкорфа, находившейся въ сундукѣ, стоявшемъ въ верхнемъ этажѣ, и гальванической батарей, помѣщенной въ сараѣ. Два проводника, покрытые слоестъ земли, шли отъ батарей по двору до стѣны дома и затѣмъ поднимались по плитуцамъ во второй этажъ, гдѣ они, соединившись со спиралью Румкорфа, спускались по стѣнѣ въ нижній этажъ дома и затѣмъ вступали въ галерею, ведущую къ минѣ, заложеной на глубинѣ около двухъ сажень подѣ рельсами. Около батарей, въ сараѣ имѣлось отверстіе, черезъ которое можно было удобно наблюдать за желѣзнодорожнымъ путемъ.

По заключенію экспертовъ, на устройство означеннаго подкопа потребовалось не менѣе 20-ти дней, причѣмъ работа эта, по ихъ мнѣнію, производилась не менѣе чѣмъ двумя, а скорѣе и болѣе числомъ лицъ; самый взрывъ былъ произведенъ однимъ изъ взрывчатыхъ составовъ, относящихся къ группѣ, содержащихъ въ себѣ нитроглицеринъ.

Допрошенными при дознаніи свидѣтелями: Анной Трофимовой, вдовой купца Матронеи Суровцевой, крестьяниномъ Алексѣемъ Морозовымъ, мѣщанкой Александрой Кузьминой, Василиемъ Кононовымъ, Иривой и Иваномъ Сѣдовыми удостовѣрено, что Сухоруковъ появился въ Москвѣ въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца 1879 г. съ женщиною, именовавшеюся его женою: первоначально онъ поселился въ домѣ Кузьмина, у Чистыхъ прудовъ, въ Кривомъ переулкѣ, а 13 сентября пріобрѣлъ покупкою домъ у мѣщанина Кононова, при посредствѣ мѣщанки Трофимовой; 19 сентября, онъ переѣхалъ въ этотъ домъ и, удаливъ отсюда жильцовъ, подѣ предлогомъ необходимыхъ въ домѣ передѣлокъ, приступилъ къ вырѣзкѣ въ нижнемъ этажѣ дома погребной ямы. Послѣ того окна нижняго этажа были наглухо заколочены, двери же заперты, а въ домъ были привезены доски и желѣзныя трубы, найденныя впоследствии въ миной галерей. Сухоруковъ оставался въ Москвѣ, вмѣстѣ съ живною съ нимъ женщиною, до взрыва Императорскаго поѣзда, а вслѣдъ за взрывомъ оба они скрылись.

Дознаніемъ обнаружено, что по под-

ложному паспорту на имя Сухорукова проживалъ архангельскій мѣщанинъ Левъ Николаевъ Гартманъ, скрывающійся въ настоящее время за границей. Проживающая же съ Гартманомъ женщина, именовавшая себя его женою, была признана свидѣтельницею Марьею Солововой въ предъявленномъ ей фотографическомъ снимкѣ обвиняемой Софьи Львово Перовской.

По предъявленіи того же снимка свидѣтельницамъ Иривѣ Сѣдовой, Аннѣ Трофимовой и Екатеринѣ Григорьевой, онѣ показали, что изображенная на этомъ снимкѣ личность очень похожа на женщину, называвшую себя женою Сухорукова.

Участіе Перовской въ устройствѣ подкопа и взрыва подѣ полотномъ московско-курской желѣзной дороги выяснилось, главнымъ образомъ, изъ показаній обвинявшагося въ государственныхъ преступленіяхъ, нынѣ умершаго сына купца Григорія Гольденберга, который, по задержаніи его 14-го ноября 1879 г. на станціи желѣзной дороги „Елизаветградъ“, призналъ себя виновнымъ въ приготовленіяхъ къ означенному взрыву и указалъ своихъ соучастниковъ въ этомъ посягательствѣ на жизнь Государя Императора. По показанію Гольденберга, въ половинѣ октября 1879 г. въ городѣ Харьковѣ пріѣхалъ участвовавшій въ липецкомъ съѣздѣ и нынѣ осужденный государственнымъ преступникъ Степанъ Ширяевъ и, сообщая о подробностяхъ преступленія, предложеннаго въ Москвѣ, объяснилъ, что тамъ на имя Сухорукова купленъ уже домъ, изъ котораго ведется галерея подѣ полотну желѣзной дороги, при участіи Гартмана, студента Гришки и Арончика, Александра Михайлова и Софьи Перовской, именовавшей себя Мариной Семеновою, женою Сухорукова. Вслѣдствіе этихъ свѣдѣній, Гольденбергъ пріѣхалъ въ Москву и, присоединившись къ кружку названныхъ лицъ, принималъ участіе въ работахъ по устройству подкопа; въ то время между ними уже было рѣшено, что для самаго производства взрыва должны остаться въ домѣ Сухорукова Ширяевъ и Перовская, а остальные участники должны были выѣхать отсюда наканунѣ прибытія въ Москву Императорскаго поѣзда; Перовской было поручено наблюдать у полотна желѣзной дороги за приближеніемъ поѣзда, а Ширяевъ сомкнуть цѣпь по сигналу, данному Перовской, которая очутивъ гордилась возложеннымъ на нее порученіемъ.

Ширяевъ, задержанный въ декабрѣ мѣсяцѣ 1879 г. въ Петербургѣ подтвердилъ сущность приведенныхъ выше объясненій Гольденберга и добавилъ, что передъ самымъ поѣздомъ Государя Императора, состоявшемся у нихъ рѣшеніе о распредѣленіи занятій при взрывѣ было измѣнено, причѣмъ вмѣсто него, Ширяева, въ домѣ остались для производства взрыва Гартманъ и Перовская.

Обвиняемая Софья Перовская на допросѣ при дознаніи по настоящему дѣлу объяснила, что, дѣйствительно, осенью 1879 г., она, подѣ именемъ жены Сухорукова Марины Семеновою, поселилась вмѣстѣ съ этимъ слѣдственнымъ, въ домѣ, купленномъ имъ въ Москвѣ, въ Рогожской части и проживала тамъ во все время веденія подкопа подѣ полотну московско-курской желѣзной дороги; 19-го ноября она вышла изъ дома около 10-ти часовъ вечера, а въ моментъ взрыва находилась дома, съ дѣлѣю отвлечь подозрѣнія полиціи, если бы послѣдняя явилась въ этотъ домъ; въ сараѣ же, въ моментъ взрыва, для соединенія батарей, было другое лицо, имени котораго она назвать не желаетъ.

IX.

Изложенныя обстоятельства совершеннаго 1-го марта сего года злодѣйскаго посягательства на жизнь Священной Особы Государя Императора несомнѣнно указываютъ на непосредственную и тѣсную связь его съ рядомъ покушеній на такое же злодѣяніе, совершенныхъ въ послѣднее время тайными сообществомъ лицъ, именующихъ себя членами „русской социально-революціонной парти“. Сформировавшись около лѣта 1879 года, какъ обнаружено при разслѣдованіи и разсмотрѣніи, въ ноябрѣ 1880 г., въ с.-петербургскомъ военно-окружномъ судѣ дѣла объ осужденныхъ имъ государственныхъ преступникахъ, въ такъ называемую „террористическую фракцію“, она поставила себѣ задачею стремиться къ ниспроверженію существующаго государственнаго и общественнаго строя путемъ политической борьбы, вѣрнѣйшимъ средствомъ которой, по ея воззрѣніямъ, должны были служить повторенія, въ случаѣ неудачи, покушенія на царевѣйство. Подъ такой рѣшимости явились послѣдовательныя покушенія на жизнь Его Императорскаго Величества 18-го ноября 1879 года близъ города Александровска, Екатеринбургской губерніи, 19-го того же ноября близъ города Москвы, на линіи московско-курской желѣзной

г., посредствомъ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ. Въ печатныхъ объявленіяхъ отъ „исполнительнаго комитета“, появлявшихся послѣ каждаго изъ этихъ покушеній, злоумышленники не только провозглашали совершеніе ихъ отъ имени своей, такъ называемой парти, но и дерзостно заявляли о твердомъ намѣреніи своемъ продолжать дѣло крови, бунта и царевѣйства.

Злодѣйское преступленіе 1-го марта было новымъ и тягчайшимъ звеномъ въ кровавой цѣпи злодѣяній „русской социально-революціонной парти“. Въ этомъ съ очевидностію убѣждаютъ какъ совокупность всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ, такъ и содержаніе двухъ упомянутыхъ выше прокламаций по поводу злодѣянія 1-го марта 1881 г.: 1) „отъ исполнительнаго комитета“ отъ 1-го марта и 2) „отъ рабочихъ членовъ парти „Народной Воли“ отъ 2-го марта, напечатанныхъ, какъ значится въ нихъ, первая—2-го марта въ типографіи „Народной Воли“, а вторая—3-го марта въ „Летучей типографіи“ того же названія. Въ обоихъ листкахъ заявляется, что злодѣяніе совершенно „соціально-революціонной партией“, двумя агентами „исполнительнаго комитета“ по его постановленію, какъ значится въ первомъ листкѣ, или вообще „социалистами“, какъ выражено во второмъ. Затѣмъ въ прокламацияхъ, изъ которыхъ первая изложена весьма сбивчиво и неясно, а вторая представляетъ очевидную поддѣлку подѣ простонародный языкъ, о преступленіи, обогравшемъ русскую землю Царственнымъ кровью, говорится, какъ о средствѣ для достиженія цѣлей парти, заключающихся, насколько можно убѣдиться изъ прокламаций, въ насильственномъ ниспроверженіи существующаго государственнаго, общественнаго и экономическаго строя.

На основаніи вышеизложеннаго, тихвинскій мѣщанинъ Николай Ивановичъ Рысаковъ, 19-ти лѣтъ, крестьянинъ Таврической губерніи, еоодсийскаго уѣзда, петровской волости, села Николаевки, Андрей Ивановичъ Желябовъ, 30-ти лѣтъ, дворянинъ Софья Львова Перовская, 27-ми лѣтъ, крестьянинъ смоленской губерніи, сячскаго уѣзда, ивановской волости, деревни Гаврилково, Тимофей Михайловъ, 20-ти лѣтъ, и Мозирская, минской губерніи, мѣщанка Гесса Мировая Гельфманъ, 26-ти лѣтъ, обвиняются:

Во I) въ томъ, что вступили въ тайное сообщество, именующее себя „русской социально-революціонной партией“ и имѣющее цѣлью ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, причѣмъ преступная дѣятельность этого сообщества проявилась въ рядѣ посягательствъ на жизнь Священной Особы Его Императорскаго Величества, убійствѣ и покушеніи на убійство должностныхъ лицъ и вооруженныхъ сопротивленій властямъ;

Во II) въ томъ, что, принадлежа къ означенному сообществу и дѣйствуя для достиженія его цѣлей, согласились между собою и съ другими лицами лишить жизни Его Императорское Величество Государя Императора, во исполненіе каковаго умысла: а) изъ подвала лавки въ домѣ гр. Менгдена № 86/8 по Малой Садовой, завѣдомо для названныхъ обвиняемыхъ, былъ проведенъ подкопъ подѣ означенную улицу съ устроеннымъ въ немъ аппаратомъ для взрыва динамита при проѣздѣ Государя Императора, и б) 1-го марта 1881 года, при проѣздѣ Его Императорскаго Величества нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича по набережной Екатерининскаго канала, Рысаковъ бросилъ метательный взрывчатый снарядъ подѣ Императорскую карету, послѣдствіемъ чего былъ взрывъ, послѣ котораго произошелъ другой такой же, произведенный съ тою же цѣлью другимъ соучастникомъ означеннаго сообщества и причинившій Государю Императору тяжкія пораненія, повлекшія за собою кончину Его Императорскаго Величества, причѣмъ, при составленіи упомянутого злоумышленія и приготовленіяхъ къ нему, Желябовъ, умаливъ такое, согласилъ на него Рысакова и управлялъ приготовительными къ злодѣянію дѣйствіями, Перовская, по задержаніи Желябова 27-го февраля, руководила не только тѣми же дѣйствіями но и самамъ совершеніемъ злодѣянія, Тимофей Михайловъ участвовалъ въ означенныхъ совокупныхъ силами совершенныхъ, приготовительныхъ дѣйствіяхъ и, вооруженный метательнымъ снарядомъ, находился на мѣстѣ совершенія злодѣянія для пріятія въ немъ участія, а Гельфманъ завѣдала, въ качествѣ хозяйки, такъ называемыми „конспиративными“ квартирами, въ которыхъ происходили совѣщанія о злодѣяніи и производились приготовленія къ нему. Преступленія эти предусматриваются ст. 241, 242, 243 и 249 улож. о нак. угол. и исправникъ изд. 1866 года.

Кромѣ того, III) Андрей Желябовъ обвиняется въ томъ, что, принадлежа къ тому же названному сообществу,